

**О ФИНСКОМ НАСЕЛЕНИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ**

И О ВОЗНИКНОВЕНИИ НАЗВАНИЯ

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ

Dr. A. J. Sjögren (А.Й. Шёгрен)

Санкт-Петербург,

ОТПЕЧАТАНО В КНИЖНОЙ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

MDCCCXXXIII (1833г.)

UEBER

DIE FINNISCHE BEVÖLKERUNG

DES

ST. PETERSBURGISCHEN GOUVERNEMENTS

UND

UEBER DEN URSPRUNG DES NAMEN

INGERMANNLAND

VON

Dr. A. J. SJÖGREN.

---

*Aus den Memoires de l'Academie Imperiale des St.Petersbourg. VI.Serie. Sciens
politiques, Historie et Philologie. Tome II. besonders abgedruckt.*

ST. PETERSBURG,

GEDRUCKT IN DER BUCHDRUCKEREI DER KAISERLICHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN.

MDCCCXXXIII

о

ФИНСКОМ НАСЕЛЕНИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

и

О ВОЗНИКНОВЕНИИ НАЗВАНИЯ

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ

Dr. A. J. Sjögren (А.Й. Шёгрэн)

---

*Из Заметок Императорской Академии Наук Санкт-Петербурга. VI.Serie.
Политические Науки, История и Филология. Том II. специальный оттиск.*

С а н к т - П Е Т Е Р Б У Р Г ,

ОТПЕЧАТАНО В КНИЖНОЙ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МДСССXXXIII (1833г.)

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Моя основная профессия весьма далека от этнографии, истории и лингвистики, тем не менее так или иначе, вольно и невольно, с раннего детства соприкасаемся мы с этими сферами нашей жизни. И подчас случайные встречи и события остаются в памяти на долгие годы. Так, более 30 лет тому назад в 1980-е годы я работал хирургом в больнице на юго-западной окраине Санкт-Петербурга. Из больших окон нашей операционной открывался величественный вид на пустынный и заболоченный тогда южный берег Финского залива, бескрайние заросли тростника вдоль него. Один из ассистировавших мне врачей, приехавших на стажировку из Сибири, взглянув в окно внезапно сказал: «И зачем это Петр I построил здесь город, тут же была страшная глушь и безлюдье?» Операция заканчивалась, и я не удержался, чтобы не рассказать о коренных жителях этой местности – финноязычных ижорцах и води, известных под именем ингерманландцев. Неожиданно я поймал пристальный взгляд нашей операционной медсестры Ольги. «А откуда Вы всё это знаете, Алексей Викторович?» - спросила она взволнованно. «Ведь я по паспорту русская, а по крови, по корням - я ижорка. В нашей деревне в Кингисеппском районе все старики и даже моя мама с подругами и сейчас между собой часто разговаривают на нашем старинном языке». Так впервые в жизни встретился я с «коренной ингерманландкой». Надо сказать, что в последующем множество раз в самых разных ситуациях жизнь сводила меня с коренными жителями бывшей Ингерманландии – финнами, карелами, вепсами и ижорцами.

Вы поймёте мою реакцию, когда три года назад в Санкт-Петербурге на лекции по истории «Земли Инкери» я услышал слова финского этнографа и историка Тойво Флинка, о том, что до сих пор не переведена с немецкого языка одна из интереснейших первых научных работ по этнографии Ингерманландии, автором которой был известный российский учёный, выходец из Финляндии, академик Андреас Йоган Шёгрэн (Андрей Михайлович Шёгрэн). Я немедленно предложил свою помощь в переводе исследования Шёгрена и с увлечением

взялся за дело. Откровенно говоря, книга 1833 года издания оказалась «крепким орешком» – пришлось столкнуться со старой немецкой лексикой, большим количеством высокопарно-книжных ныне устаревших слов и выражений, немецкими и финскими диалектизмами. На немецком языке в то время традиционно издавалась почти вся научная литература в Российской империи, но будучи широко образованным учёным и талантливым лингвистом Андреас Шёгрэн с лёгкостью вставлял в текст своей книги цитаты на различных наречиях финского, на латинском и шведском языках, что несомненно повышало доказательную составляющую его исследования. При переводе книги на русский язык мы преднамеренно оставили оригинальные финские, ижорские, вотские, карельские слова и тексты, сохранив старую финскую орфографию и алфавит с явным шведско-немецким влиянием, полагая, что это может представлять историко-научный интерес для читателей этнографов, лингвистов и историков.

Обширные исторические данные свидетельствуют о весьма длительном совместном проживании славянских и финских племён в Карелии, Санкт-Петербургской губернии и прилежащих к ним территориях, что не могло не сказаться на их культуре, традициях, обычаях, ведении хозяйства. Известны многочисленные встречные заимствования слов в обеих группах языков. Тем не менее невероятная сложность финского языка ставила его носителей в несколько изолированное положение среди окружающих народов. Первый и хорошо известный этнографам и лингвистам текст на финском языке представляет собой **берестяную грамоту**, найденную при раскопках в Великом Новгороде. Крайне любопытно, что автор этого документа пользовался не латиницей, а кириллицей. Рождение финской письменности в 16 веке явилось личной заслугой Микаэля Агриколы, первого лютеранского епископа Финляндии, просветителя

и переводчика Библии на финский язык. Кроме Нового Завета, он перевёл на финский язык (который до него

ещё не был письменным языком), некоторые части Ветхого Завета и много назидательных сочинений. Первую книгу на финском языке он издал в 1543 году. Это был букварь «ABC-kirja». Этот год отмечается как год рождения финской письменности. На протяжении столетий это были единственные книги на финском языке, а школьное обучение в Финляндии велось на шведском, так как правящая администрация в своё время стремилась к «шведизации» жизни финнов, а документация и книги писались только на шведском языке. После завоевания Россией Юго-Восточных территорий и Вотской Пятины Шведского королевства, населенных многочисленными финноязычными народами в 17-18 веках языком официального и межнационального общения стал русский, а коренное население продолжало в повседневной жизни пользоваться своими родными диалектами финского языка. Такие известные российские историки как Татищев, Георги, Карамзин и другие внесли значительную лепту в дело изучения финноязычного населения («чухонцев») Санкт-Петербургской губернии. Наименование «чухно» относительно финноязычных соседей впервые было упомянуто в Псковской летописи 1444 года. В словаре Фасмера высказывается утверждение, что слово это образовано от этнонима «чудь» путём прибавления устаревшего экспрессивного суффикса «-хно», известного в народных русских говорах применительно к именам нарицательным (Михаил – Михно, Максим – Махно и т.д.) В период правления Российской империи это название стало применяться ко всему карело-финскому населению окрестностей Санкт-Петербурга. И тут просто невозможно не вспомнить строки из поэмы Александра Сергеевича Пушкина «Медный всадник» с описанием берегов Невы допетровских времён:

«...По миштым, топким берегам

Чернели избы здесь и там,

Приют убогого чухонца...»

И это не поэтическая метафора. Помимо множества хуторов и мелких селений на правом берегу Невы (Выборгская сторона) ещё задолго до 1700 года на месте нынешнего Строгановского сада вблизи впадения Чёрной речки в Большую Невку располагались финские деревни Кискена и Вихари, от Малого

Сампсониевского проспекта до Гордонова переулка – деревни Эйкие и Макура, на месте бывшей Головинской дачи вдоль берега Чёрной речки – деревня Торка. У Ботанического сада на Аптекарском острове (Корпи-саари) – деревня Путтукс. Кстати, следует напомнить, что все острова, на которых и поныне располагается Санкт-Петербург, имели древние финские названия Хирви-саари (Васильевский), Койву-саари (Петровский), Янис-саари (Заячий) и другие.

Языковой барьер имел важные последствия. Великое множество финнов, не владея русским языком, постоянно проживали в сельской местности, подчас в очень глухих и Богом забытых лесных урочищах, никогда не выбирались за пределы своего церковного прихода, и общее их количество оставалось неизвестным властям.

В связи с этим нельзя не упомянуть ещё один любопытный исторический факт, и я позволю себе привести цитату из сочинения П.Н.Петрова, **«История Санкт-Петербурга съ основания города до введения в действие выборнаго городского управления по учреждениям в губернияхъ в 1703–1782 годы.»** (Отпечатано: С.-Петербургъ, Типография Глазунова, Казанская ул., № 8. 1885, (стр. 328–329). Ниже следующий текст относится ко времени царствования Елизаветы Петровны.

*”Доклад Сената о ревизии, по высочайшем утверждении его 17 сентября 1742 г., предписывал: **немедленно произвести перепись чухон в Петербургской губернии и в самой столице, с тем чтобы обложить их общим для крестьян***

подошным налогом, отменив до того существующую повинность их поставлять для конной гвардии фураж. А самая перепись, начатая тогда же в Петербурге, должна была открыть, как не без основания полагал Сенат, множество проживавших здесь (чухон) без всякого вида, за ничтожное вознаграждение и вовсе без него, из-за хлеба, работавших на фабриках.”

Сейчас нам трудно сравнивать уровень жизни сельского населения в Финляндии и на более плодородных землях Санкт-Петербургской губернии и Карельского перешейка. Везде была она тяжёлой, а в иные годы и просто бедственной. Так, автор слов современного Гимна Финляндии Й.Л.Рунеберг в своём очерке «О природе финляндской, о нравах и образе жизни народа во внутренности края» (1832 г.) писал, что в некоторых селениях центральной части страны слова «он круглый год ест чистый хлеб» и «он неизмеримо богат» значат одно и то же. Но все и всегда отмечали невероятное трудолюбие финнов.

Интересным является и тот факт, что некоторые весьма уважаемые в российской истории личности были известны своим отношением к финской культуре. Так, няня поэта А.С. Пушкина – Арина Родионовна предположительно была по происхождению ижорка из деревни Суйда Копорского уезда Санкт-Петербургской губернии. Великий русский полководец А.В. Суворов в своей биографии упоминал, что помимо немецкого, французского и турецкого владеет ещё и финским языком, которым пользовался, к удивлению своих подчиненных, в период службы в конце 17-го века в Финляндии и Ингерманландии во времена Екатерины II, общаясь с финнами и «чухонцами».

Вот этих-то «чухон» по прошествии более чем половины столетия в 20-е годы 19-го века и отправился изучать молодой ученый Андреас Йоган Шёгрэн. И он, как никто другой, подходил для решения поставленной задачи – описать места обитания, традиции и обычаи, особенности языка коренного финноязычного населения Санкт-Петербургской губернии. Материал исследования Шёгрена основан на результатах его более чем 5-летних путешествий по Ингерманландии (Ингрии или Инкери) и дневниковых научных заметок. По мнению многих известных этнографов помимо многих научных открытий именно благодаря его исследовательской работе финское племя **водь** было выделено в отдельный народ, со своим языком и местом

«ЧУХОНСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ БАБА». ВОДЬ XVIII ВЕКА
ИЗОНАК И. Г. ГОРМ. 1776 ГОД

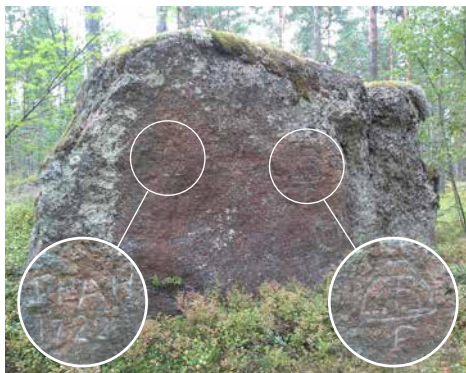

обитания на южных берегах Финского залива. Шёгреном была высказана и оригинальная гипотеза происхождения наименования Ингерманландия.

По следам Шёгрена в последующие два столетия прошли десятки, если не сотни этнографов и лингвистов, историков и археологов. Научному наследию А.Шёгрена посвящена кандидатская диссертация Т.В. Киселёвой, защищенная в 2007 году в Петрозаводском университете. К чести наших учёных надо сказать, что ижорский язык, как и другие языки и диалекты народов бывшей Ингерманландии, вовсе не утрачены. Огромную работу по изучению и сохранению ижорского и водского языков провёл в своё время выдающийся эстонский лингвист и филолог профессор Пауль Аристе. В 2005 г. В.Чернявским изданы словари и «Самоучитель ижорского языка». Широко известны исследования и научные труды О.И.Коньковой по истории и культуре народов ижора и водь. Ею же в соавторстве с Н.А. Дьячковым подготовлено оригинальное «Учебное пособие по водскому языку». Даже среди моих близких знакомых встречались очень интересные люди, профессионально занимавшиеся этой темой. Например, Айли Ивановна Кукконен, которая изучала вопросы особенностей этнографии и филологии финноязычного населения Всеволожского района Ленинградской области. В Санкт-Петербурге в Эрмитаже и в Музее этнографии народов России есть постоянные экспозиции и научные отделы, посвященные финно-угорским народам, проводятся ежегодные научные конференции – «Шёгреновские чтения».

Всегда и всех манит будущее, но не менее интересно и давно минувшее. По маршрутам Андреаса Шёгрена по прошествии почти 100 лет на велосипеде и с фотоаппаратом в руках в первые годы 20-го века проехал финский краевед Самули Паулахарью. О своём непростом путешествии он издал весьма любопытную и прекрасно иллюстрированную книгу, которая была переведена на русский язык и издана в Санкт-Петербурге в издательстве Гийоль в 2014 г.

Многим из моих современников очень хотелось бы, к примеру, услышать речь наших далёких предков, увидеть их повседневную жизнь и праздники. И это отчасти можно осуществить. Сейчас во многих поселках Ленинградской области существуют местные краеведческие музеи. К тому же в местах исторического проживания племён вепсов, карел, ижоры и води, работают

**Пограничный камень (rajakivi) в лесу
недалеко от Выборга**

клубы и общества исторической реконструкции. Для получения информации о них достаточно теперь набрать в любой поисковой системе интернета слова «коренные народы Ленинградской области» и вам откроется новый мир. В наших лесах и по сию пору можно увидеть руины крепости Копорье и карельского города-крепости Тиврули (Тиверский городок), остатки старинных хуторов с фундаментами из тёсаного гранита, мелиорационные рукотворные каналы, курганы-могильники, пограничные камни с петроглифами. Когда-то эти места были полны жизни. Бок о бок с финскими племенами жили и новгородцы, и псковичи. Об этом собран колоссальный краеведческий и научный материал. Великолепные экспозиции представлены в Крепости-музее Старая Ладога и в крепости Корела города Приозёрска.

Тем более интересным нам представлялось подготовить перевод на русский язык книги Андреаса Йогана Шёгрена - первой основательной научной работы о финноязычных жителях древней Земли Инкери. Не могу не высказать слова благодарности инициатору этого проекта - доценту «Университета Хельсинки» и научному сотруднику «Института миграции Университета Турку» Тойво Флинку. Особая благодарность доценту Кафедры истории древней Греции и Рима «Санкт-Петербургского государственного университета» Елене Валентиновне

Никитюк за перевод летописных средневековых текстов с латинского языка, а также признательность эстонскому этнографу и лингвисту Тайсто Раудалайнену за перевод с вотского языка стихотворных текстов песен. Всегда с большой теплотой и благодарностью помню моих преподавателей: немецкого языка - Нину Викторовну Тимофееву и финского языка - Марину Ивановну Павлову, в своё время давших мне знания, без которых перевод этой книги был бы для меня просто невозможен!

Книга издана, и я надеюсь, что она найдёт своего читателя.

А.В.Васильев
профессор, доктор медицинских наук
Санкт-Петербург – Helsinki - Häkämäki
август 2017г.

о

ФИНСКОМ НАСЕЛЕНИИ Санкт-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

и

О ВОЗНИКНОВЕНИИ НАЗВАНИЯ

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ

Издавна во всех географических и статистических справочниках упоминалось, что, наряду с русскими, финны составляют основное население Санкт-Петербургской губернии. Менее, а то и совершенно неизвестными были, напротив, те многообразные смещения и заимствования, обусловленные влиянием русских в языке, образе жизни, обычаях и нравах, и те возникшие племенные разветвления, которые финское население в самом себе различает. В качестве таковых перечисляют 1. **sawakot** (савакоты) 2. **äürämöiset, äkrämöiset** или **ägrämöiset** (эвремейсы), 3. **ingrikot**, которых русские называют **ижорами** или **ижорцами**, и которые часто именуются у русских как **чудь, чудины**.

Первыми названные два народа были до сих пор даже по названиям своим совершенно неизвестны всем без исключения отечественным и зарубежным географам и этнографам. Даже у самого И.Г. Георги были о них весьма туманные представления, когда он писал: «...истинные финны проживают в Карельских, а ижоры в Ингрских округах (волостях) губернии». Сие разделение весьма ошибочно и дает повод к заблуждению. Например, это отчётливо видно у Гасселя, утверждающего, что финнов, проживавших в бывшей Ингерманландии, называют ижорами. Конечно, большое число ижор проживает в, так называемых, Ингрских округах. При всём том название *ижора* отнюдь не ограничивается жителями данного округа. Даже наоборот, ещё более малочисленные эврейцы и савакоты, которых Георги представляет карельскими или типичными истинными финнами, проживают лишь в окрестностях Санкт-Петербурга и Шлиссельбурга. В то же время большая либо средняя их численность населяет все так называемые Ингрские волости. Одним словом, все вышеупомянутые четыре наименования финского населения распространяются на все округа-волости. Иное же разделение их по мнению Георги на, так называемые, Карельские и Ингрские имеет очень мало оснований, как и перенос наименований на жителей. Это могло бы дать лёгкий повод к другому заблуждению об их происхождении, и привести к естественному выводу, что одних лишь эврейцев и савакотов следует отнести к карельскому племени. Что же касательно ингрикотов или ижор, то они принадлежат к другому, совершенно отличному племени, что ни в кое мере не соответствует действительности, и это будет прояснено нашими исследованиями.

Прежде всех других, тем не менее, так называемые савакоты имеют наибольшие притязания на данное им Георги наименование «подлинные финны». Сие значит, что они менее всего отличаются в строении тела, одежде, культуре, обычаях и нравах от собственно финнов, и главным образом от саволаксов (*sawolaiset*) и карел. Как уже само название *sawakot* своим подобием с *sawolaiset* отличает их от трех других, так и неоспоримо указывает на их происшедшую ранее иммиграцию. Подобно саволаксам и карелам в своём языке савакоты

совершенно пропускают звук *d* (например *meijän* вместо *meidän* - наш, *teijän* вместо *teidän* - ваш, *wiies* вместо *wiides* - пять, *nähä* вместо *nähdä* - видеть), либо заменяют его в других случаях на *w* (например: *rauwan* вместо *raudan* - железа {род.падеж от железо, прим. переводчика}, *juuwwa* вместо *juoda* - пить). Зато удвоенные гласные, особенно в южной Ингерманландии, произносятся также отчётливо как и пишутся, например *maa*- земля, *pää* - голова, но не *moaa*, *peää* либо *piää*, как в северной Финляндии. В конце слова гласные перед удвоенными предшествующими согласными растягиваются: *tulloo* вместо *tulee* - он приходит. Взамен в изменяющихся в коренной Финляндии *ht*, *tt*, *ss* (а в русской Карелии *tsch*) употребляют *ts*, например: *metsä* - лес, *katsoa* - смотреть, *itse* - сам, *Ruotsi* - Швеция. Будучи все без исключения лютеранами, савакоты проживают совместно отчасти с эврейскими, отчасти с ингрикотами (ижорами) в округах (уездах) Санкт-Петербурга, Шлиссельбурга, Софии (*современный г.Пушкин), Ораниенбума, Ямбурга и Нарвы, в особенности в церковных приходах *Keltos* вместе с филиалами общин *Räbowa*, *Slawänka* (теперь обычно среди финнов *Slawanka*), *Koprina*, *Spankova* и в таких филиалах как *Kolppana*, *Skworitz*, *Gubanitz*, *Moloskovitz*, *Nowasolkka*, *Kattila*, *Koporje* и *Serebetha*.

В этих округах (уездах), но частично и вблизи Санкт-Петербурга, проживают эврейские, и особенно в церковном приходе *Türis* (по-русски *Мартюшкино* или *Мартышкино*), *Duderhof* и его филиал *Hietämäki*, *Ropscha* с филиалом в *Skworitz*, *Ingris* и *Liisilä*. Они расселяются вместе с савакотами так же и на север от Невы в церковных приходах *Walkiasaari*, *Toksowa* и *Wuoles*, и далее в Выборгской губернии как на запад от Выборга так и на север от Кексгольма.

Эврейские также все без исключения лютеране, и в основе их речи лежит тот же диалект, что и у савакотов, но с тем лишь различием, что они заменяют *u* в дифтонгах *au* и *eu* на *k* или *g*. Так вместо *naula* - гвоздь произносят *naakla* или *naagla*, вместо *neula* - игла - *nekla* или *niekla*, *niegla*, вместо *seula* - сито (решето) - *siekla*, *siegla*, вместо *taula* - труп, окалина - *takla* либо *tagla*, вместо *naura* - он (она) смеётся *nakraa* или *nagraa*, вместо *kaula* - шея *kakla* или *kagla*,

и так далее. Отсюда же и различные модификации их самоназвания *äürämöiset*, поскольку сами они употребляют имя *äkrämöiset* или *ägrämöiset*. Именно эта особенность указывает на сильное влияние русских, хотя возможно в старину в их местности обстоятельства и не сближали их с русскими. Такие же особенности обнаруживаются равным образом и в русской Карелии. Кроме того, в речи эврейцев присутствуют идиомы или присущие только им слова и обороты речи, например, *taata* вместо *isä* – отец, *emo* вместо *äiti* – мать, *huntu* вместо *lakki* – женская шляпа, *suurimoi* вместо *krüüni* (от шведского *gryn*) крупа перловая. Некоторые из этих идиом обнаруживаются, впрочем, и у савакотов. В Ингерманландии остаётся еще возможным собрать «по крупичам» вообще не столь уж и незначительное дополнение к финскому словарю Ренвалла. Ещё большее и значительное чем в языке, различие между эврейцами и савакотами состоит в особенностях их национального костюма у женщин, которое у савакотов в отдельных местностях совершенно различен. В целом он существенно проще, но исполнен вкуса и не столь дорог как у эврейцев, которые любят роскошь и вычурные украшения, в связи с чем идут на весьма существенные расходы. Это показывают размеры и форма их головных уборов *huntu* по сравнению с *lakki* савакотских женщин. При этом эврейцы в целом грубее и суевнее, и с превеликим своеобразием цепляются за свои предрассудки и обычаи. Я хочу здесь поделиться тем, что обосновывается отчасти моими собственными исследованиями, либо подтверждается достоверными сведениями об ингерманландских финнах, которые мне удалось разузнать из иных вполне надёжных источников.

Если кто-либо изъявлял желание жениться, он отправлялся к своему отцу либо матери, или, если их не было в живых, то к кому-то из родных с целью выяснить смеет ли он выступить в роли жениха? Получив разрешение, в один из воскресных дней ближе к вечеру, жених в сопровождении свата прибывал в дом невесты, где сват выкладывал на стол курительный табак – и резанный, и листовой. Затем, когда кто-либо мелко-мелко нарезал листовой табак, все

желающие набивали трубки и закуривали. Через некоторое время кто-то из свиты жениха говорил “*mennä tupakoilla*”. С невестинной стороны понимали, что табак хорош, и гости готовы оставить его себе. После этого все отправлялись в соседнее строение, где находилась невеста. В помещении сват с женихом старательно увещевали один другого всё внимательно посмотреть, чтобы позднее не сожалеть и не раскаиваться. Затем жених доставал из кошелька деньги – банкнотами либо серебром – и клал их невесте на шею между сорочкой и телом. Савакоты обычно отдавали деньги в руки невесты, либо она принимала их в фартук. После этого жених и сват отправлялись назад в жилую избу. По дороге деревенские девочки изо всех сил колотили гостей кулачками. Невеста же, в свою очередь, тоже заходила в избу с завязанными в носовой платок деньгами, и бросала их жениху на колени. Ловкий сват хватал невесту и держал её, пока жених не развязывал платок и, добавив ещё денег, не повязывал платок на шею невесте или не отдавал ей в руки. Если же сват был ленив и нерасторопен, тогда вся церемония должна была повторяться в доме невесты, а жених по дороге получал от девочек новую порцию ударов. Когда жениху накрывали стол, во время еды девочки считали съеденные женихом куски еды. От чётного либо нечётного числа кусков делался вывод о том, долгим или коротким будет брак. После еды мать невесты приносила жениху носовой платок с именем невесты, и назначала день помолвки – через одну или две недели.

Через пару дней после сватовства отец или мать невесты ехали навестить жениха, клали подаренные им деньги на стол, обсуждали дела и выпивали водки. Если гости и хозяева были удовлетворены переговорами, деньги забирались назад и передались их дочери. Иной жених брал деньги назад, либо по прошествии пары дней отсылал носовой платок невесты обратно с отказом возратить свои деньги. Если невеста оставляла деньги себе, но по прошествии нескольких дней всё же возвращала их владельцу, возникшие размолвки должны были разрешаться духовным лицом.

В день помолвки и опять ближе к вечеру, в доме невесты появлялся жених с двумя сватами. Вновь табак выкладывался на стол и гостей должны были угощать едой и напитками. Затем жених делил деньги: родителям жены 5 или 10 рублей, а невесте поменьше, чтобы она «не была сонной». Женщина, которая при помолвке находилась с невестой, она именуется *olallinen* (наплечница), тоже получала несколько гривенников, как и родственники невесты. Эти деньги называют *kuuliaiset* (деньги помолвки) или как бы свидетельские деньги от слова *kuulla* – слышать. В свою очередь и родственники невесты должны сделать равноценные ответные подарки. Когда всё было закончено, сват бросал одну копейку за печь и произносил: «*hiton silmään se raha!*» – эти деньги в глаза злomu духу! Тут гостей повторно угощали едой и напитками. Родителям и ближайшим родственникам жениха, сватам и особенно их женам, вручали рубашки, перчатки, носовые платки, подвязки, женские шляпы, пояса и другие существенные подарки. При прощании в сенях невеста подавала жениху руку и дарила ему носовой платок, а он в ответ давал ей деньги.

Через одну или две недели невеста отправлялась в дом жениха *keträpuun siaa katsomaan, suen nahkaa pieksemään* (присмотреть место для прялки и поколотить волка по шкуре).

Женщину, которая невесту при этом должна была сопровождать, называли *sauva* - посох. Жених, его отец и братья одаривали её деньгами, мать и сёстры – пряжей (шерстью), носовыми платками, поясами и тд. Родственников жениха навещали таким же образом и делали схожие подарки. Через некоторое время отец или мать жениха, либо его ближайший родственник, наносили визит в дом невесты и приносили ей красивый платок (шаль). Родителям тоже вручались подарки, а гость в ответ получал от матери невесты пару перчаток. Затем объявлялся день свадьбы и определялся состав невестиной свиты. Сопровождающие её мужчины, числом до двадцати, называются *niuwemiehet*, женщины – подружки невесты *kaaso* или *kaaset*, и среди них должна быть одна девочка. Её называют *ruuska*.

Прежде у савакогов бывало лишь два *kaaso*, а у эврейцев - одна. Теперь и у тех и других их обычно от пяти до шести.

После выше описанных приготовлений пара объявляла о предстоящем бракосочетании в церкви общины, либо, если вступающие в брак проживали в разных общинах, то в обеих церквях. Накануне дня свадьбы, к вечеру, в обоих домах собирались гости. Жених и невеста должны были быть вымыты в бане своими родственниками. На следующее утро будущие новобрачные вставали на колени перед своими родителями и просили у них благословения. Прежде очень распространенный, да и по сей день то тут, то там встречающийся обычай, когда перед отправлением на венчание жених и невеста клали в чулок под левую пятку кусочек серебра и девять соломенных узелков (коленцев стебля злака), а в левую подмышку зашивали девять зёрен злаков, взятых из отверстия в жернове. После обряда венчания, во время которого некоторые невесты стремились держать свою ступню над ступнёй жениха, все отправлялись домой.

Вечером, накануне венчания, жених сидел за столом с соседскими парнями, которые распевали песни и выпрашивали у свадебных гостей деньги на дорогу. Дававших угощали водкой или пивом. Точно таким же образом сидела за столом в своём доме и невеста. Сидевшие от нее по обе стороны девушки пели:

<i>Auttakkaatte matkamiestä!</i>	<i>Помогите же вы путнику!</i>
<i>Ken tenolla, ken tewolla,</i>	<i>Кто советом, кто делом,</i>
<i>Kempä kengän nauhaisilla.</i>	<i>кто лентой на башмаки.</i>
<i>Ripustelkaat rihmawüühti,</i>	<i>Повесьте моток ниток,</i>
<i>Laitakaatte langakerä!</i>	<i>положите клубок пряжи!</i>
<i>Ei kinnasta kiwest tehä,</i>	<i>Из камня рукавиц не сделать,</i>
<i>Somerost ei sormikasta.</i>	<i>а из гравия перчаток.</i>

Гости давали деньги и получали за это по глотку водки. К полуночи прибывал жених со свитой, которая состояла из свата и 10 мужчин. Сначала являлся один из них и возвещал о группе охотников, которые по следам рыси пришли

к этому дому и просят разрешения отдохнуть до следующего дня. Разрешение давалось, и жених со свитой входили в дом. Между тем невеста всё ещё сидела за столом с поющими девушками, и они не покидали своих мест до тех пор, пока жених и свита не платила им. Тогда невеста с девушками выходила из-за стола, который тут же занимала пришедшая компания, распевая строфы церковных песнопений. Перед женихом выставляли миску с густой овсяной кашей, а он и его сопровождающие должны были ещё раскошелиться. Сват угощал присутствующих принесенными с собой водкой и пшеничным хлебом. Затем всех приглашали к накрытому столу.

После этого сват брал кнут, бил им по стене и произносил: «Наш молодой князь не мог ни есть ни пить пока не увидит «своё». Всё это повторялось через некоторое время, после чего невеста приносила кувшин с пивом, накрытый носовым платком. Сей кувшин именуют дразнилкой, *härsytöskappa*. Жених брал платок и вместе со своей свитой клал на него деньги до тех пор, пока невеста не уносила кувшин. Сват повторял свои слова ещё раз и вскоре отправлялся в соседнее строение, где в полном облачении находилась невеста со своими подружками.

Сват клал свой кнут на порог, а невеста давала ему носовой платок. После этого под песнопения она в сопровождении свата проходила в комнату и садилась к жениху. Она могла при этом подсунуть под себя край своей верхней юбки, и это являлось знаком того, что она будет добиваться главенствующего положения в семье. Вскоре её подружки и другие родственники приглашались к столу, и девочек угощали хлебом с маслом и мясом. Это действие называлось *kurikkoi*.

После еды запевали прощальную песню. Жених усаживал невесту в сани или тележку (повозку), при этом сват должен был выкупить у сидящей тут же матери сундук невесты. Мальчики кричали отъезжающим: - *Hummaren war-kaat! Стуну крадум!* Случалось, что по дороге лошадь утомлялась или происходил несчастный случай. Обсуждая случившееся полагали, что это было следствием колдовства, причиной которого являлась зависть кого-либо из обиженных

или неприглашенных на свадьбу родственников. Против этого изыскивали другие суеверные средства. Так, отец должен посоветовать своему сыну, намеревающемуся привезти невесту, отломить с первого же встретившегося по дороге дерева три ветки и взять их с собой, чтобы в случае, если лошадь не захочет бежать, ударить её каждой веткой три раза, и тогда сидящий в санях злой дух вынуждён будет убраться восвояси. Когда же прибывали к дому жениха, сначала сват один отправлялся внутрь и просил ночлега, на который после долгих возражений он получал разрешение. Между тем невеста должна отдать узенький ремешок, который наматывали на хомут лошади жениха. Тот, кто распрягал лошадь, получал ремень. Чтобы получить «чаевые», мальчики натягивали бечёвку между домами и забором на пути прибывающих. Въезд во двор молодожёнов сопровождался ружейными выстрелами. Там, куда должна была выходить невеста, расстилали попону, по которой она ступала за женихом крепко держа его за пояс, чтобы никто меж ними не смог пройти. Впереди шли сваты, за ними подружки и следом остальное общество. В санях навстречу им выходила мать жениха и раскладывала вывернутую наизнанку шкуру, а в руке она держала решето с горелыми углями и хмелем. Невеста должна была положить в него либо фартук, либо пару рукавиц. Тут вся компания продолжала дальнейший торжественный вход в горницу. Все стояли, пока не прозвучит несколько церковных песнопений, после чего все усаживались за стол. Родственники невесты садились за отдельный стол на втором плане, который называется *tarakanen hüten* (*тараканья хижина*). С невестой садились её подружки и её брат, которого в данной ситуации называют *otsan kohtajainen* (*лоб напромув*). На колени невесты клали маленького мальчика, а ей говорили: - *tässä on poika polwillais, 9 pojan emäksi, 1 tättären emäksi*, то есть – здесь у тебя один мальчик на коленях, и будешь матерью 9 мальчиков, и матерью одной дочери. Невеста повязывала мальчику пояс, и его уносили. Затем приносили миску с толокняной кашей, а невеста, её подружки и брат должны были заплатить за это. Одна из подружек невесты давала по глотку водки и куску пшеничного хлеба сначала её спутникам и только потом хозяйке дома. Затем все угощались.

После еды сват бил своим кнутом по стене и говорил: - *Наш молодой князь (а иногда даже и король!) не может ни есть, ни пить пока не отправится на покой.* Тут невеста с подружками и братом отправлялись в особую спальню, называемую у савакотов *tökki*, а у эвремейцев *tupainen*. В некоторых местностях ложе для новобрачных стелили в конюшне. Подружки невесты набрасывали на постель соломы только для виду, чтобы убедиться, что ничего колдовского здесь нет, а брат невесты проверял её на прочность. После этого женщины застилали постель, за что угощались хлебом с маслом и пивным пирогом.

После этого все отправлялись в гостиную. Там на жернове раскладывали те же угощения, которые перед этим ели невеста и её подружки. На ступе ели то же самое в третий раз, и опять занимали прежние места за столом. Сват повторял ещё дважды, что молодой князь или король тоскует по покою. Сразу после этого брат невесты запевал духовную песню и вёл невесту в сопровождении подружек в опочивальню. Там подружки раздевали её и укладывали в постель. Брат невесты приносил эту весть в гостиную. Тут сваты запевали новую молитву и провожали жениха в спальню. Там вдоль края постели сидели подружки невесты и не уходили, пока жених не одаривал их. Это называлось *karwaraha* (*волосяные деньги*). На обратном пути сваты пели подружкам:

Meijän pässi päälle pääsi,   *Наш баран наверх забрался,*

Meijän karkaisi karitsa.   *Убежала наша овечка.*

Подружки отвечали:

Tuota neito toiwokin,   *Этого ждала девица*

Kaiken ilmosen ikänsä.   *всю свою жизнь.*

Затем как в поговорке добавляли: *Три ночи плачет девушка детскими слезами, всю оставшуюся жизнь плачет о муже.* Сваты раздевали жениха, укладывали в постель и накрывали его. Один из них три раза бил кнутом по полу, говоря при этом: мальчик – мальчик – и дочь. Все удалялись, брат невесты запирает дверь, а ключ оставлял при себе. Чтобы главенствовать в браке над мужем помимо ранее уже упомянутых некоторых правил поведения, и чтобы ещё более их закрепить,

невеста стремилась держать свою голову выше жениховой. Спустя некоторое время приходили сваты, подружки и с ними брат невесты. Они приносили водки, пшеничный хлеб и горшок с варёными яйцами.

Молодая пара должна была собраться с духом. Шляпу жениха надевали на голову невесты, а её головную повязку – на его голову. И в таком виде они должны были поочерёдно одной и той же ложкой кушать поднесённое им угощение. Остатки доедали подружки и брат невесты, после чего горшок разбивали, чтобы молодая женщина родила больше мальчиков, чем девочек. Затем молодым давали ещё некоторое время поспать. Пока сваты помогали молодому супругу одеться, подружки вели молодую жену вокруг всего двора и возвращались в спальню, где приводят в порядок её волосы. Она выбирала головной убор, но всё же её первая шляпа (*huhtu* или *lakki*) передалась общине. Подружки надевали жене другую. Затем сваты начинали церковные песнопения, и все перемещались в гостиную, и садились за стол. Эту трапезу называют *pitkä kaali* (*длинная капуста*). Потом молодая пара и подружки вместе с братом невесты переходили в комнатку. Там в большом круглом коробе, называемом *wakka*, лежали подарки, которые молодой супруг переносил в гостиную. Впереди следовал невестин брат. Короб ставили на стол. Молодой муж брал себе рубашку, лежавшую сверху. Его мать решала кому именно из присутствующих гостей вручались остальные подарки. При этом невестин брат вставал на стул с кнутом в руке. Вещи из короба по указанию хозяйки вручали гостям поимённо и возглашали: - «Коли птичка почувствовала симпатию, могла бы удовольствоваться и этим пёрышком; всё хорошо, хоть и мал запасец». Гости благодарили и выражали свою радость в танце и пении, каждый на свой лад. После того как подарки были розданы, мать молодого супруга приносила шерсть целой овцы и клала её в короб, который он уносил обратно в комнатку.

Тут на стол приносили водку, пиво, пару стаканов на одной тарелке и решето. Молодая жена приглашала выпить, а одна из девушек подносила. Это называлось *kerta* (*паз*). Затем выходили свёкор и свекровь, тещь давал деньги, а тёща обещала телёнка или овцу. Гости обычно давали деньги и клали их в решето, которое, после

того как все выпьют, молодая пара похищала, и невеста с подружками относила его в комнатку. Там деньги считали и помещали в надёжное место. Затем они возвращались в гостиную и садились за стол. Тут приносили кашу из толокна с маслом. Называют её *erotalkuna*, расставальная или прощальная каша.

После трапезы девушки и родственники молодой жены собирались в путь домой. Одна из подружек получала сосуд с пивом и покрошенным туда хлебом. Он называется *kaasen kappra*. Если он протекает, то для семейной жизни молодой женщины это плохой знак. С подружками молодой муж посылал своим родителям хлеб и большой кусок мяса. При этой передаче девушки говорили: - *Tässä on tättares reisi ja tässä on kaakku Kullaltaisi, lihalimppu linnultaisi*, то есть *здесь бёдрышко твоей дочки, и здесь хлебный пирог от твоего золотка, кусок мяса от твоей птички*. Следует заметить, что каждый из приглашённых гостей приносил с собой в свадебный дом хлеб и большой кусок мяса. После отъезда сопровождавших молодую жену, она оставалась сидеть за столом со своим мужем, а одна из подружек занимает место с другой стороны. После ужина молодых провожали в спальню, но уже без песен. На следующее утро так же в гостиной устраивался завтрак, после которого молодая жена принимала участие в домашних работах. Вечером она должна была приготовить постель своим свёкру и свекрови, а себе постелить новые простыни. Тот, кто сопровождал её в первый раз в коровник, получал в подарок фартук, кто с ней первый раз приносил дрова, получал пояс.

Первую пару вёдер воды, которую она приносила из колодца, выливали на землю во дворе жилого дома.

Через одну две недели молодой супруг отправлялся в гости к родителям молодой жены и привозил с собой в подарок тестю кожаные рукавицы, а теще пару обуви. Её называют *чёрной* или *волосяной обувью*.

Родители жены приглашали мужа в дом, и в гостях он проводил три дня. Через несколько недель приезжал брат молодой жены и увозил её на три недели в отеческий дом. Это называется съездить на побывку. Затем муж забирал её назад в свой дом.

Иными, с некоторых точек зрения, являются *свадебные обычаи и традиции у ижор*, и отчасти потому, что все они без исключения относятся к православной вере. Так, девушка, которая в ближайшем будущем собирается замуж, к своему наряду носит ещё и шляпку до ушей с небольшими светло-жёлтыми жемчужинками и с маленьким отверстием на макушке. Отец жениха работает у родителей избранницы. Бывают также особенности в приданом, которое называется ***pritana*** (**пример типичного заимствования из русского языка от слова **приданное** - примечание переводчика*). Так, при стоворе ставят хлеб и соль на стол, зажигают восковые свечи перед иконами, крестятся и три раза делают земные поклоны. Соглашение закрепляется рукопожатием (ударом по рукам) и повторными поклонами перед иконами. В течение короткого времени после этого назначается свадьба. Всё промежуточное время невеста плачет и рыдает, посещая один за другим дома родственников и соседей, поскольку она должна оставить и то, и это, и не ведаёт, какая судьба её ожидает. Вечером накануне дня свадьбы собираются её родственники, а она сама сидит на печи с покрытой головой, и там опять плачет и рыдает о том, что скоро она должна покинуть родной дом, отца, мать, кухню, овец и так далее. То один, то другой из родственников подходит к ней и тщетно просит сойти. Наконец родители сами стаскивают её вниз. Тут они усаживаются на скамью, дочь кланяется три раза до земли. Отец берёт в руки икону, мать – восковую свечу; стоя перед ними дочь крестится и три раза кланяется. Затем её ведут в баню, где она с непрерывными рыданиями и плачем моется перед своими родственниками. После того как её опять приводят в жилую избу, приносят пустое круглое лукошко (*wakka*) и ставят его на пол отверстием вниз. На дно лукошка брат невесты кладёт ей башмаки, и её полностью одевают. Тут она садится за стол, и с обеих сторон от неё рассаживаются девушки, которые поют до утра: *auttakaatte matkamiesta* (см. стр 10). А меж тем все кушают и пьют. Рано утром прибывает жених со своими сватами, но его не допускают к столу, пока он не выложит деньги. У жениха с собой водка и пиво, которыми он угощает

присутствующих. В доме же подают лучшую еду и напитки. В это время невеста сидит с покрытым лицом и не снимает покров до венчания. К тому же невеста должна запастись ещё и двумя локтевыми платками, которые расстилают под ноги вступающих в брак. Платки потом достаются священнику. Согласно православному ритуалу на голову невесты во время венчания надевают корону. После церемонии венчания молодожены отправлялись в дом жениха. Он садится со своими сватами и родственниками к одному, а к другому столу садится свита невесты. Между обоими столами встают невеста и подружка с кнотом в руке, кланяются обоим столам, и просят гостей есть и пить. Обращения продолжаются до тех пор, пока пара не добивается тишины. Происходили ли при этом ещё какие-либо обряды, мне не удалось выяснить. Однако следует заметить, что если невесту собирали к венчанию слишком поздно, то оно переносилось на следующее утро, свадьба же праздновалась в своё время. При отходе ко сну между женихом и невестой в кровать посредине ложилась подружка.

Когда венчание завершилось, все садились к столу, и тогда молодая пара должна была несколько раз поцеловаться, согласно замечанию гостей, что напитки не столь сладки. Коль скоро сие пожелание исполнялось, каждый гость имел право справедливо полагать, что можно бы уже поцелуи пока приостановить. После свадьбы молодая жена должна была, будь то даже зимой, в одной лишь сорочке и нижней юбке ходить или выстаивать, пока свекровь не даст ей меховую накидку или верхнюю юбку и не велит сесть.

Когда же у финнов Ингерманландии родится дитя, повивальная бабка три раза поворачивает нож вокруг оси и укладывает его рядом с ребёнком. Это повторяется каждый вечер, пока ребёнка не покрестят. При этом часто в пелёнках находят завёрнутый нож и немного соли. У некоторых есть обычай маленькую краюшку хлеба и несколько зёрен класть в пелёнку напротив пупка ребёнка. Это может соответствовать 9 зёрнам, которые новобрачным зашивают в подмышку. Другой глупый и досадный обычай заключается в том, чтобы прежде материнской груди дать ребенку растопленного масла. Те, кто побогаче,

на крестины приглашают в одно из воскресений родственников с обеих сторон и соседей. Каждый из них даёт родильнице *hammasraha*, деньги «на зубок». После обеда, ближе к вечеру, соседи расходились по домам, а родственники оставались на ночь до понедельника. Родильница угощала ближайших родственников и крестных отца и мать пшеничным хлебом, пирогами, маслом, омлетом и рыбой. Это зовётся заимствованным у русских словом *rotinoi* (*родины*).

Если хозяин или хозяйка умирали, в субботний вечер в дом приглашались родственники и соседи. Овдовевшему обычно вручают пожертвования после распевания священных песнопений. Крышка гроба снимается. После ужина священные песнопения продолжают всю ночь напролёт. Утром завтракают гороховым супом (*rokka*) и мясом.

В погребальную повозку впрягают трех-четырёх лошадей и позади кучера на гроб усаживаются двое-трое мужчин. Таким образом, под звуки священных песнопений тело умершего довозят до церкви. После погребения в гробнице (*крытое строение над могилой*), едят и пьют. Родственники остаются в доме вдовца до следующего дня. У ижор существует обычай оплакивать умерших после захоронения.

Кое-кто верит в привидения и в бродячих мертвецов, особенно если эти персоны имели репутацию колдунов или отличались дурным образом жизни. Чтобы не допустить их повторного появления, тела клали в гроб лицом вниз, а под пятки подкладывали кнопки и булавки. Кроме того, верят здесь ещё в одноглазого духа-защитника дома *tonttu*, (*заимствовано у шведов*), который мог сделать дом богатым или бедным, и который мог быть враждебно или дружески расположенным. Верят и в речного духа *näkki* (так же заимствовано у шведов) - женоподобное существо с длинными свисающими до стоп волосами и большими грудями, доходящими до пупка. Лесной дух *metsän haltia*, напротив, должен быть мужеподобным существом. Правда, можно и просто с добрым расположением и без различия пола обращаться к ним за защитой, восклицая: - *Metsän itti, metsän*

ätti, metsän kultainen kuningas! Tule nyt minun tüköni! Это означает: -*Отец леса, мать леса! Ты золотой король леса! Приди ко мне сейчас!*

Вообще-то суеверия по сравнению с прошлыми временами в большинстве своём уменьшаются и исчезают. Тут и там этим занимаются колдуны и заклинатели, делая своё дело без большой огласки, но местами продолжают господствовать всевозможные дурацкие предрассудки и глупые суждения. Поэтому мы хотели бы здесь представить из недавнего прошлого и настоящего, вместе с собранными в одном из мест заметками, основное о нетронутых временем древних обычаях, нравах и общих народных гуляниях.

Так, в одном отдалённом церковном приходе на нынешней границе с Новгородскими землями у деревни произрастают более 60 лет на высоком холме заросли можжевельника с огромным можжевельным деревом в середине.

Холм жителями деревни обнесён оградой, а к корням большого можжевельника всегда приносят первые зёрна урожая, молоко от отелившейся коровы и, равным образом, от родившей женщины, а в праздничные дни угощение и водку. Это наблюдалось по всей деревне до тех пор, пока лютеранские священники не срубили дерево под корень. Похожие бесчинства бывали в совсем недавнем времени в общине Serebeta в Ораниенбаумском округе (уезде) среди местных ижор, а отчасти и среди прочих финнов, использовавших заросли можжевельника. Никто не смел повреждать деревья, и к ним приходили с личными пожертвованиями. Так, утром в Петров день приносили один или более камней, вместе с едой и напитками. Таким образом со временем возникла огромная груда камней, пока лютеранские священники её не разрушили и не вырубил все деревья. Однако, по сию пору имеются деревни с такими названиями, в которых прослеживаются следы ранее распространённых культов лесного духа и всего с этим связанного. Примером служат, вероятно, *Kuippina*, по-русски Кипень, с почтовой станцией по дороге на Нарву, за Ропшей, и располагающаяся недалеко от Кипени по пути в Гатчину деревня *Sämsänpalo*. Так вот *Kuippina* у финнов

является эпитетом *лесного духа*, а *Sämsä* – это мифологический покровитель-божество, которое сажает деревья. Некоторая мифологическая связь существует и в названии Хиттолово (Hittola), деревни на берегу озера на высоком холме в Токсовском приходе (*om Hitto – мифологического Злого духа*). По приметам ижор в новогоднее утро счастливым признаком приходящего года является первым встреченный чужак, если то мужчина. Первой встреченная женщина должна приносить неудачу. В канун поста (масленицу) не замечено каких-либо специфических традиций и ритуалов, но, наподобие русских, принято совершать увесилительные поездки из деревни в деревню с выпивкой и песнями. В Страстную Пятницу перед Пасхой, а то и за день до него некоторые финны постятся, не принимая пищи до захода солнца.

В большинстве случаев не пьют даже молока от собственной коровы. В пасхальное утро прежде обходили три раза двор с остро заточенным ножом, чтобы летом оборонить его от змей. Бабы же соседям не давали огня, чтобы летом плуги не разваливались надвое. Дабы в упоминаемое время не становиться сонным, надо было иметь счастье не видеть никаких животных кроме лошадей. Особливую сонливость вызывал взгляд кошки. Птицы приносили непостоянство и быстротечность жизни. Впрочем, молодые люди веселили себя, так же как было принято у русских, совместным пением с раскачиванием из стороны в сторону, а пожилые и старые – водкой. Да и как можно было противостоять русским в таком приятном развлечении!

Самым важным был день Святого Георгия, 23 апреля, когда домашнюю скотину первый раз выпускали на пастбище. Поутру доедали припасенный с Рождества хлеб и скармливали его с питьём любимым домашним животным. Ко всему этому бывали и другие приготовления. Некоторые люди запасались волчьим калом, который закладывали под пороги коровников и овчарен. В давние времена брали в зубы нож, а в руку косу без косовища и три раза обходили свою скотину во дворе. Либо брали **рябину**, расщепляли её вершинку так, чтобы у комля ствол оставался целым, и клали деревце над дверью, сквозь которую

скотина должна выходить на двор. Да, вот ещё! Иные хозяйки сами взбирались повыше, расставляли ноги пошире и заставляли скотину продефилировать под ними. В эти дни соседям с неохотой давали огонь либо что-то иное из своего дома.

В ночь на Троицу молодежь разводила костры, *kokko*, на высоких местах и увеселяла себя разного рода играми. Все эти невинные развлечения, распространённые и в Финляндии, устраиваемые для себя, были и в ночь на Иванов День, *Juhannusyö*. Тем бы всё и заканчивалось, но иногда вместе с дневным постом, вплоть до захода солнца, наблюдалось и ещё кое-что! И домашние любимые животные всю ночь вынуждены были принимать участие в таком ребячестве.

Считается недостаточным, чтобы посуда для хранения молока была тщательно и дочиста вымыта. Хозяйки, которые желали бы от небольшого числа коров получить побольше масла, раздеваются донага и с распущенными волосами, зажимают между ступнями *kirnu*, маслобойку, и взбивают масло мутовкой, *mäntä*, либо изображают это некоторое время. Некоторые из них верят, что злобное существо, называемое *para*, принесёт им в изобилии молока. Такое же суеверие встречается и в скандинавских домах. Собственно, имя *para* является финизированным шведским *bjära*. Осеннее праздничное время, начиная со Дня Всех Святых до Дня Мартина, здешние финны называют *Jakoaika* – время дележа. Так, в эту пору, когда овцы родят, нельзя прясть, и, особенно, для того, чтобы не навести на них болезнь ”вертячку”. Нельзя также резать скот. Иные хозяйки и ещё много чего не делают, например, вечером в четверг и весь день в субботу не прядут. В старые времена особенным праздником был *день Катарины*, к которому варили пиво, при сём следовало иметь в виду, чтобы ни одно зерно, предназначенное для приготовления солода не склевали куры. Рано поутру сваренную кашу и пиво несли в коровник и прежде всего угощали ими коров. При этом просили:

Hivä Katarina,

kaunis Katarina!

Anna walkia wasikka!

Добрая Катарина,

прекрасная Катарина!

Даруй мне белого телёночка!

Hüwä mustakin olisi,
Kirjawakin kelpajaisi.

Хорошо бы и чёрного,
да и пёстренький сгодился бы.

Днём едят кашу и пьют пиво. В Рождественское утро считается счастливым предзнаменованием, ежели какой-либо мужчина зайдёт в дом. Скот целый день не кормят и не поят, за исключением лошади, на которой поедут в церковь. Первый раз покормят и попят скот лишь на следующее утро, или в День Стефании. При этом в поилку кладут серебряное кольцо или застёжку. Среди некоторых людей встречается и такой обряд: если корова отелилась, то перед первой дойкой из каждого сосца трижды сцеживают струйку молока. В то же утро Дня Стефании хозяйка либо работник из коровника по дороге к избе вопрошает, дома ли Стефания? В свою очередь и конь и седок угощаются пивом.

Обычно, как у здешних финнов, так и в Финляндии в большинстве мест, выпекают к Рождеству большущий хлеб, который в продолжение всего праздника нетронутым лежит на столе. Как только рождественские праздники завершаются, сей хлеб уносят прочь, но на все последующие праздничные дни опять выставляют на стол. Все гостинцы и даже просыпавшуюся со стола соль хранят в платке рядом с тем хлебом. Как было уже ранее упомянуто, этот большой хлеб впервые кушают на день Георгия в начале года. Молодые люди увеселяют себя во время Рождества различными играми, танцами и пением.

Во всех этих живых описаниях обычаев, обрядов, суеверий и суждений ингерманландских финнов несведущий наблюдатель не увидит тех основных черт великой схожести с таковыми в самой Финляндии, особенно в тех их проявлениях, которые бывали в старые времена, хотя на основании всех наших доводов и наблюдений нельзя не заметить, что особенно *sawakot* и *äürämöiset* с *собственно финнами* по своему происхождению являются одним народом, но, однако, само собой разумеется, что за прошедшие столетия в меняющихся обстоятельствах каждый из них друг от друга отделился, и в высшей степени несправедливо было бы, чтобы многочисленные тупоумные иностранные

путешественники *петербургских финнов* смешивали с *коренными финнами*, судили по одним о других, а их внешние и внутренние характерные черты выдавали за *вообще финские*. Относительно савакотов ранее нами уже было отмечено, что собственное наименование их в возникновении и происхождении восходит к *sawolax*. Аналогичная история имеет место и с эврейсами, коих имя совершенно точно означает, что они являются никак иначе как наследниками жителей прежней *Aegrepä* (*Ägrepää* или *Äüräpää*), одного из округов в бывшей *Wiborgslän*, которая при заключении мира в 1323 году вместе с ещё двумя другими областями, *Sawolax* и *Jeskis*, была официально передана от России к Швеции, вследствие чего уже тогда предки нынешних *эврейсов* и *савакотов* перебрались в *Ingermannland*. Это стало первым обстоятельством того, что под этим именем по сию пору нам известны их потомки среди здешнего финского населения, которое в последующие времена за счёт новых переселенцев из других мест и местечек Финляндии ещё более усиливалось и увеличивалось до тех пор, пока эта местность вновь не стала принадлежать России, и пока Петр Великий, основав Санкт-Петербург, не стал населять её русскими колонистами.

Но по сию пору здесь вдоволь финских крестьян с финскими фамилиями. И тут не только лишь *sawolaiset* (и их поздние потомки *sawakot*) в не менее чем в 13 общинах, *карелы* в восьми общинах (особенно в *Koprinaschen*), а также *suomalaiset* в шести, *turkulaiset* из *Åbo* в трех, *pohjalaiset* в четырех и *kainulaiset* из *Остботнии* в двух общинах. К последним относится деревня с названием *Skworitz* (*Сквирицы*). С такими же фамилиями распространены и *wirolaiset* (*эстонцы*) не менее чем в 17 общинах, в особенности, конечно, в близрасположенных *Moloskowitz*, но отчасти проживают они и в северных общинах *Walkiasaari*, *Toksowa*, *Woles*. В *Spankowa* (*Шпанково*) есть также деревня, именуемая *Wironkülä* (*Эстонская деревня*). Никак не менее распространены по всей губернии и *hämäläiset*. Так, по моим сведениям, они проживают не менее чем в 16 общинах (особенно в окрестностях *Koporje*), и не все они, естественно, прямые потомки переселенцев из *Häme*, хотя в старых церковных книгах они и упоминаются в более употребляемой в России форме

Hämäkkö, вместо *Hämäläin*. Фамилия *Jaamalain* (в трех церковных приходах) должна происходить от *Jamburg*. (* *Ямбург* - в настоящее время *Кингисепп*, прим. переводчика). Разные другие фамилии здешних жителей относятся к отдельным местечкам и общинам в Финляндии. Так *Puumalaiset* в четырех и *Juwaiset* также в четырех общинах родом из *Puumala* и *Jockas* из *Sawolax*, *Jämsä* в двух, *Jämsäläiset* тоже в двух (особенно в *Moloskowitz*) и вместе с ними множество *Süsmäläiset* из *Jämsä* и *Süsmä* в *Tawastland* (теперешняя *Häme*). Обнаружились даже в по меньшей мере одной общине *Uskealaiset* и *Küröläiset* (из *Uskela* и *Kürö* в *Åbo* и *Wasalän*). *Hollolain* (из *Hollola* в местности *Tawastland*) я видел в одной старой церковной книге, относящейся к началу предыдущего (18-го) столетия. Так как старинным названием одной из местностей было *Jäskis*, то в семи церковных приходах могут жить *Jäskeläiset* – отчасти потомки давних пришельцев. Тот факт, что в здешних местах издавна расселялись и шведы, подтверждается и типичной фамилией *Ruotsi* в семи церковных приходах (особенно в *Skworitz*), *Ruotsalain* в четырех (особенно в *Kattila*) и *Swenske* ныне финизированное в *Wänskä* в паре общин. В окрестностях Дудергофа деревню *Hirwosi* именуют ещё *Ruotsi*. Семьи *Rosspik* (*Rosspiik* или *Rospigg*) в трех общинах происходят из провинции *Roslagen* поблизости от Стокгольма, так как *Rospigg* именуют по-шведски жителей этой провинции. Обращает на себя внимание и то, что в среде здешних финских хуторян встречается большое число носящих шведские знатные и дворянские фамилии. Так *Sparre* или финизированное *Parri* в Дудергофе и Молосковицах, *Bonde* в Коприне, *Posse* в Копорье, *Ruuth* в Спанкове, *Mannsträhle* в Губанице, *Ramse* (от *Ramsay*), иные же как *Hemming* в Скворицах, *Malm* в Ропше не говоря уже о других, более простых. *Schultz* в Хиетамяки, *Schütz* в Губанице и множество других (в Дудергофе, ранее именовавшемся *Hausen*), которые могут быть и немецкими, встречающимися в благородных родах Финляндии и Швеции. Чисто финские фамилии происходящие от названий животных мы по моральным и этическим обстоятельствам обсуждать здесь не будем.

Ещё более древними чем *савакоты* и *эврейсы* жителями Санкт-Петербургской губернии вне всяких сомнений являются *ingrikot* (*ижоры*) и *watialaiset* или *waddjalaiset*, как они себя называют. Эти последние считаются коренными жителями Ингерманландии, и проживают на ограниченной территории вдоль берега Финского залива в Нарвском округе, особенно в общине Kattila и её северном филиале Soikkina в небольшом числе, хотя в прежние времена и были более широко расселены. Отчасти это подтверждается сходством наречий *ижор*, проживающих гораздо севернее Ораниенбаума, а так же тем, что у новгородцев в древние времена именовалась как Водская Пятина вся сия западная территория. От новгородцев это название передалось шведам, но, конечно, не столь широко употребляемое, и в соответствиями с особенностями отношений (политических) того времени. Так, например, Король Johann III упоминает Водскую Пятину передавая Великое Княжество Финляндское своему сыну в своей дарственной грамоте от 4 января 1590 года "Storfurste til Finland, Carelen och Wätzkij, Pethin och Ingermannland uti Ryssland". В других документах этого же монарха название написано более правильно, но одним словом, как в двух грамотах - от 15 июля 1591 года "Wätzkipetin och Ingermannland", так же как и от 20 июня 1590 года "Wotskipe-tin och Ingermannlandh". Подчас встречается лишь половина названия, например, в грамоте от 27 июня 1582 года "Ingermanland och Smolenske, Petijn uthi Ryssland". И тут она постоянно кажется отделённой от Ингерманландии, так как шведы под названием *Wodzskipetin* или искажённо *Petjin* понимали лишь часть современной Санкт-Петербургской губернии, а именно её юго-западную часть, граничащую с побережьем Финского залива, где и по сие время проживают так называемые *watialaiset*. Оставшуюся же прочую восточную часть они именуют *Ingermanland*. Такого же мнения придерживался и Herberstein, в своё время отмечавший: «Wotzka region inter occidentem et septentrionem sita, 26 aut ad summum 30 miliaribus abest a Novvogardia, inque sinistra castrum Jvanovgorod relinquit» (*Воцкая область расположена между Западом и Востоком, находится в 26 или самое большее в 30 милях от Новгорода и слева оставляет крепость Ивангород...*).

Особая путаница при этом царит в разъяснениях Татищева относительно наименований *Wot*, *Wotskaja* и *Pätina*. Так, он пишет: «*Воты были бы так поименованы на Ижоре и Неве*», и сие означает – жители на реках Ижора и Нева были названы *вотами*. Но это несомненно обозначает, что имя не присуще наименованию народа (от «вотъ» что-ли ?!), и все эти рассуждения получены из воздуха – «притянуты за уши». И далее к вышесказанному добавлено, что «*несмотря на то, что вся область называется Ижора, самим народом, живущим между Волховом и Невой, названа она - Водская Пятина*». У русских же это название было всеобъемлющим, включающим в большую территорию и Ижору; но я всё же не хотел бы, чтобы происходило формальное смешение *ижор* и *вотов*, и зон их проживания. Как для русских, так и для шведов Ижора (*Ingern* и *Ingermannland*), как народ, так и область, была не только *восточная*, а точнее *северо-восточная* часть *Ингерманландии*. Областью *Вотской Пятины*, название которой пришло от имени народа *воты*, и распространилось даже на те территории, на которых, по крайней мере в последнее время, *воты* не обитают. Из этого ряда пространных заключений об Ингерманландии становится очевидным, что Татищев и его последователи впали в заблуждения.

Из присущего народу самоназвания *waddjalaiset* образовали древние русичи *водь*, поскольку *-laiset* (*Sing.* – *lainen*), как и во всех финских именах, являет собою здесь лишь одно только родовое окончание прилагательного. И далее таким образом коренное слово *waddja* или урезанное *waddj*, которое, как и русифицированное *водь*, в старые времена могло употребляться как для поименования народа, так и названия местности. Ныне же известно, что повсеместно мы слышим лишь такие формы имен, как *waddjalaiset* и (финское) *watialaiset*, но никак не *waddja* (*waddj*) и *watia*, точно так как в подобных случаях с названиями *sawolaiset*, *hämälaiset*, *karjalaiset* и так далее, а для названия их местностей – простейшие *Sawo*, *Häme*, *Karjala* и другие. Между тем, для ранее имевших место значений, упоминаемых коренных слов на *вотском языке* следует заметить, что, по меньшей мере, употреблялись они по отношению к народу, особенно в разговорном языке. Так *waddjalaiset*, когда

разговор о присущем им диалекте, обычно спрашивали: «*tunnet pajattaa waiss*», *m.e.* – можешь ли говорить по-вотски? В этой грамматической форме предполагается потерянный номинатив *wadi* (либо близкий ему *waddj*), а в генитиве по-фински – *wadin* (например, *kieli* – язык народа *wadi* или *waddj*), а по-вотски с обычной утратой *d* – *wain*. И в квалификативе или фактиве (*Qualificativ* oder *Factiv*) *waiss* вместо *waiks* (*wadiks*) по-вотски, на подобие *waddj*.

Из всего вышесказанного и проистекает совершенно отчётливо возникновение старого русского названия *водь*. К этим разъяснениям следует прибавить и доводы Лерберга о нерусском происхождении названия *водь*, которые являются достоверными в смысле их «нерусскости», но нельзя и согласиться с тем, что Лерберг будучи иного мнения с Портаном, не связывает имя *watialai-set* с лапландским *wassiotet*. Что же, собственно, означает слово *watia*, *waddja* или *waddj*, и сами *waddjalaiset* не знают как объяснить. Так как это слово вполне местного происхождения, то и полное значение его следует искать в финском языке либо в близких к нему диалектах. Так, есть основания полагать, что в финском языке, и, собственно, в самой Финляндии в церковном приходе *Laukas*, относящемся к земле *Wasalän*, имена *Watia* и *Haapawatia* являются названиями сёл. Сохранилось ли значение этих названий? Возможно, что *Watia* относится к какому-либо диалектному варианту произношения слова *Wataja*, что означает *низменное, болотистое место*. По меньшей мере располагается тамошняя *Watia* на берегу озера. Эта этимология была бы для страны *вотов* здесь, с местной точки зрения, вполне естественной и уместной. Либо же, напротив того, *Watia* (*Waddja*) как и *Waadia*, *Waadjja*, *Waatia*, *Waaja*, а по-фински это – столб или клин, или Страна Вотов, как и оба местечка в *Laukas* в Финляндии получили свои имена случайно. Была же в Эстонии, в нынешнем Дерптском округе, в XIII столетии провинция под наименованием *Wagia* (*Wagya*, *Waiga*, *Wayga* и, также, *Waigel*, *Waigele*), и в этих названиях от соответствующего *Wagja* (и, также, *Waija*), клин должен получиться, как в старых русских хрониках имя одной из провинций было переведено как *Клин*. Этот пример из родственной этнографически и близкой

территориальной Эстонии в полном соответствии с эстонским *waija* и финским *waaja*, есть и формы *Watia*, *Waddja* с синонимами *Waadia*, *Waadja*, и *Waatia*, что делает этимологические доводы гораздо более вероятными и подходящими.

Наряду с тем, о чём уже так много было сказано, а именно о полном соответствии и частом упоминании наименования *водь* или *воть* в старых русских хрониках применительно как к народу, так и области его проживания, следует отметить и другое его не менее старинное название, а именно – *чудь*, являющееся дополнительным доводом в пользу утверждения, что данный народ надо воспринимать в качестве истинного аборигена Ингерманландии. В качестве таковых обнаруживаются они у Нестора обычно либо как *чудь*, либо, ещё более вероятно, как *нарова*. В любом случае в ту эпоху были они расселены приблизительно в тех же границах, в коих мы обнаруживаем их остатки в настоящее время, и под именем *чудь* являются нам следы их в тумане доисторической Руси, в глубокой древности. Но их особое, присущее лишь им название, является нам во времена Нестора, и позднее в хрониках, повествующих о битве полоцкого князя Всеслава, произошедшей 23 октября 1069 года под стенами Новгорода, в которой *воть* (*воты*) потерпели неслыханное поражение, и великое множество их погибло.

То, что *воты* уже с древнейших времен состояли в теснейших отношениях со славянским населением, доказывает их язык, весьма отличающийся от такового всех прочих *ингерманландских финнов*.

При всём этом *чудь* (или *воть*) в своих обычаях и нравах отлична от *эстов*, *ливов* и *куров* (*куришей?*) так же как и от финнов, что описано ещё Трефуртом. Дело в том, что язык их гораздо ближе к финскому, чем к эстонскому, и до такой меры, что *чудь* и *финны* могут легко друг друга понимать. Хупель же, напротив, полагает на основании всех иных источников, и прежде других - Трефурт, предоставивший небольшие образцы языков, что эти самые (*воть*) *чудь* относятся к большой финской народности, и были бы братьями *эстов*, отличаясь лишь диалектом. В свою очередь, считая себя знатоком, и ознакомившись с языком *воть* (*чудь*)

и имея представление о родстве его с *финским*, я хочу привести здесь свадебную песнь *вотов* (*воти, чуду?*) наряду с попыткой перевода на немецкий (и на русский прим. переводчика), и в данном образчике языка сделать кое-какие примечания о свойственных *воти* особенностях, поскольку я узнал её будучи пару дней в гостях в деревне *Катила* зимой 1831 года.

Н Е В Е С Т Е

Neitsüeni ainagoni!
 Menet kaiwolle, kanani!
 Wesitielle, wierakkoni!
 Älä waad warjoa wetee!
 Wesi wetab kauniu.
 Meill on naised nagrajad,
 meill on einamaad eloäd.
 Älä meine kurjosa kujalle!
 Pääpaikas parapi miuta,
 körja muita körkääpi.
 Neitsüeni ainagoni!
 Neitsüt ainagoanoni!
 Älä tuskoa tuloa,
 Kao katsche lähtegö!
 Emmä pannu pakasialle,
 Emmä wienüd wöhkasuolle;
 Panimma poisile üwälle. (42).

Ты моя единственная невеста!
 Ты идешь к колодцу, курочка!

К водяной дорожке, невестушка = подружка!
 Не смотри на свое отражение в воде!
 Вода возьмет красоту.
 Наши женщины смешливы/ веселы.
 Наши луга все в цветах.
 Не ходи на жалкий двор = в жалкий/бедный дом!
 Твой платок краше, чем у других,
 горе выше = горше, чем у других.
 Ты моя единственная невеста!
 Разъединственная моя!
 Не горюй!
 Не увели нас на мороз,
 не увели на топкое болото,
 отдали лучшему парню.

(Текст перевел на финский, живущий в Таллине этнограф и лингвист Тайсто Раудалайнен. Финский историк Тойво Флинк перетолмачил текст на русский язык.)

Уже при первых исследованиях выясняется, что язык в основе своей финский, и тем не менее всё же многим истинным финнам он остаётся непонятным. Многие формы напоминают северные чудские говоры. Так *wetab* в 3 лице единственного числа (тянет) по-фински *wetäi*, *makaab* – он спит, по-фински - *makaa*. Во втором лице единственного числа и в третьем лице множественного финское *t* звучит в южных (говорах) чуди почти как *d*; первое и второе лицо множественного числа оканчиваются у них на *-ma* и *-ta*. Но в третьем лице множественного числа по правилам (как и финское) окончание *-t* или *-d*, (например, *makaawad* – они спят, *makasiwad* – они спали); но в других вотских говорах, где должно быть неопределенное местоимение, сходно с северными чудьями, у которых окончания в третьем лице множественного числа – *s*, либо же употребляются оба варианта (финские и чудские окончания), например, *minua wöttaas* (по-фински *otetah* –

меня возьмут, но также и *minua wötettih* (по-фински *otettih*) - меня взяли, *minua lüüäs* (финско-карельское *lüüäh*) – меня бьют. Также у вотов *h* заменяется на *s*, например, *östra* по-фински будет *ohra* (ячмень). Вообще же воты часто опускают *h* особенно в начале слов. Как в приводимых сравнениях: *einamaad eliad* по-фински *heinämaat heliät*, и *ärtschä* по-фински *härkä*. Есть и другие подобные примеры: *ammas* по-фински *hammas* (зуб), *iivä* по-фински *hüwä* – хороший, *opöne* по-фински *heponen* – лошадь, *entschi* по-фински *henki* – душа, и даже в середине слов, где слог должен начинаться с *h*, например, *karu* по-фински медведь - *karhu*, или *ani* по-фински гусь – *hanhi*. И здесь явное влияние эстонского языка. Это касается и пристрастия вотов к звуку *ö*, как в словах: *körwa*, а по-эстонски *körv*, и по-фински *korva* – ухо; *öjut* а по-эстонски *öllut*, и по-фински *olut* – пиво; *öpüä*, а по-эстонски *höppe*, и по-фински *hopia* – серебро; *ölschi* по-эстонски *ölg*, и по-фински *olki* – солома. Да! Тут они, несомненно, перещеголяли даже эстонцев, произнося *örawa* по-эстонски *orraw*, а по-фински *orawa* – белка; либо *öchsa* а по-эстонски *oks*, и по-фински *oksa* – ветвь. В дугласных же звуках произношение вотов граничит с речью лапландцев, так например *puöhlwi* будет по-фински *polwi* – колено, *wuöj* по-фински *woj* - масло. Не часто, но вместо *k* звучит *tsch* (*ч*), и подобно северным чудям любят воты употреблять *ts* как в слове *watsa* - живот, *metsä* – лес, *ötsin* - я ищу, *neitsüt* (у финнов - молодая женщина, а у вотов – невестка или сноха). Перед звуком *s* они заменяют *k* на *ch* (например: *öchsa* будет по-фински - *oksa*, а *üchs* будет по-фински - *üks* (один), *uchs* по-финско-карельски - *uksi* (врата, дверь), *hiuset* (здесь сохраняется начальное *h*) - *hiukset* (волосы), *tulusset* по-фински *tulukset* (огниво и кремь), *jousen* по-фински *joutsen* (лебедь). Так же выше упоминавшееся *waiss* вместо *waiks*. А вот слово *paksu* – толстый - осталось неизменным. Иногда звук *s* подавляет следующий за ним *k*, например: *tult iseb*, а по-фински *tulta iskee* - «сверкает молния».

Насколько тяжело вотам опускать скрытые согласные в словах, показывает такой пример: *sütschüsü* по-фински - *süksü* – осень, *wachtschi* по-фински - *waski* (сталь - здесь в текст вкралась ошибка: не сталь, а медь; примеч.переводчика).

Также как чуды и карелы воты произносят *reä*, а не *pää* – голова; в то же время дифтонг *uo* не всегда употребляется, однако в отдельных словах (как *nuori* – молодой, *suo* – болото) он сохраняется. В других же словах, как например, *ruoho* – трава, *huono* (по-вотски - *uono*) - плохой, где звук *u* едва слышен; а из слова *wuohi* - коза, произошло *woho*. Местоимения произносятся вотами как *miä* – я, *siä* – ты (по-фински - *mie, sie*), *tämä* – он, она, оно; во множественном числе - *müö, tүү, nämä*. Вместо *meidän* (наш) и *teidän* (ваш) как у чудей и южных финнов у вотов эти слова звучат как *medjä* и *tedjä*; родительный падеж от *nämä* будет - *nännee*. Впрочем, в местоимениях присутствуют довольно сильные слияния, как например: *mille*, по-фински - *minulle* мне; *sille*, по-фински - *sinulle* тебе; *milta, silta*, по-фински - *minulta, sinulta* - от меня, от тебя. Они также часто опускают *n*, характерную для генитива (родительного падежа), например: *minu*, по-фински - *minun* мой, так же как и в окончаниях прилагательных, например: *pöhjato*, финское *pohjatoin* бездонный.

Вследствие трудностей при совместном расположении звуков *s* рядом с *k* или *t* многие падежные формы оказались утраченными; *tshüläss* означает как «в» (финское *külässä, küläss*), так и «от» и «из деревни» (по-фински *külältä, külält* и *külästä, külästä*); *papis* в, от, к священнику (по-фински - *papiss, papist, papiks*). В деревню означает *tshülää* (по-фински *küläh*), а в инфинитиве же *tshüleää* (по-фински *külää*), например *paljo tshüleää* - многие из деревни.

Взвешивая всё это, нужно считать *воть* (*watialaiset*) в основе своей финнами, хотя в их языке много заимствованных иностранных слов и, прежде других, из *лапландского* и *эстонского* языков, и к тому же смешавшихся между собой из различных племен, образовавших переходный народ от *эстов* к *финнам* таким образом, что финская основа осталась главнейшей.

К каким же финским племенам *воть* создают переход – к южным *тавастандцам* (*емь*) либо к северным *карелам*? В пользу первого предположения говорит схожесть с *северной чудью* (*емь*), о чём ранее в нашем сочинении мы уже писали, как и о месте давнего и постоянного проживания *еми* вперемешку

со многими пришельцами. Примечательно также необъяснимое наименование народа - *werpa*, которые суть - *северная чудь*, а вслед за ними также и некоторые *русские карелы*, которые по сию пору проживают в отдельных районах, что обнаруживается в названии одной из деревень на запад от Ораниенбаума, и в одной из развивающихся территорий проживания *южной чуды* или *воти*. Говоря далее о родстве и совместном происхождении *воти* и *северной чуды*, следует предположить высокую вероятность и близкого соседства, и взаимоотношений их в старые времена, и широкое толкование названия Вотская Пятина на севере, и большую численность и распространенность семей с фамилией *Hämäläiset* в Санкт-Петербургской губернии и особенно на юге её, как например, в Копорье, как места происхождения Вотской области, а также нынешнее состояние и обычаи обоих народов – *воти* и *северной чуды*, и тем что в России они идентифицируются и описываются одним именем – чудь.

Единственное, что в предположении о близком родстве обоих народов между собой и с народом *емь* (*тавасты* или *тавастландцы*) может быть спорным, заключается в том, что, несмотря на все отдельные приводимые нами схожести в языках *вотов* (южных) и *северной чуды*, они в настоящее время, хоть и в меньшей мере, но друг от друга отделяются. Свидетельством этому является характерная особенность в языке обоих ведущих финских племён пропускать *d* (или *t*) либо в отдельных случаях заменять на *w*, что вообще свойственно *племени карел*, и что *воть* как и *карелы* говорят, например: *lүүä* (бить), *nähä* (смотреть), *tahon* (я желаю), *teän* (а по-карельски - *tiian* – я знаю), *löwwän* (я нахожу), в то время как *северная чудь* вместе с *южными финнами* вместо этого произносят *lүүdä*, *nähdä* или *nähtä* (*njähtä*), *tahton*, *tiedän*, *lүүdän*, что побуждает нас полагать с ретроспективой и на другие обстоятельства о смешении их с *емью* (или *тавастландцами*).

Эти важные отличия служат в пользу того предположения, что от *воти* произошли *карелы*. Для этого было бы достаточно и одного лишь лингвистического обоснования, и предполагаемое различие столь очевидно, что все остальные ранее приводимые встречные доводы против этого можно отбросить, если

бы не явилось ещё одно собственное наблюдение в пользу первого утверждения. В бытность короткого моего пребывания среди *воти* сделал я одно открытие, что их собственные соседи *ingrikot* (по-русски *ижоры*) называют их *карелами*. Само по себе это не новость. Каждый, кто знает *настоящих карел* и их язык, будет расценивать и *ижор*, особенно в окрестностях Санкт-Петербурга, при близком рассмотрении по их внешности и языку как предшественников или *первоначальных карел*. В то же время весьма заметно и служит в пользу этнографического открытия то, что воть их так и называет. Обстоятельство это подтверждает, что сама воть принимает карел за другой, по своему происхождению не родственной им народ. С другой стороны, это же обстоятельство служит равным образом доказательством того, что *ижоры* в своём нынешнем месте могут проживать не так давно как *воть*, стало быть должны были переселиться позднее, и следовательно в любом случае лишь частично и только в отношении ещё позже переселившихся эвреймейсев и савакотов могут рассматриваться как коренной народ данной местности.

Таким образом все приведенные выше сведения придают нашему суждению о *воти* столь убедительные доказательства. Исходя из внутренней сущности природы вещей это оставляет нам высокую вероятность достойного внимания результата, что *южные чуды* (*воть* или *wotialaiset*) должны быть такими же как и северные первоначальные пришельцы *южно-финских* (*емь*) племён. Позднее, в их очевидных разнообразных перемещениях в местах проживания, они сильно смешались с разветвлениями карел (*ижоры*, эвреймейсы, савакоты), жившими среди них и по-соседству. Да и в речи их имеется много признаков карельского языка ещё со времён оттеснения русскими их северных соплеменников на Восток от Ладожского озера. Вследствие отдаленности мест проживания, и вдобавок ещё в более ранние времена по причине отдалённости их русскими от *карел*, сохранили они свой праязык более чистым в своей архаичной и очень заметной для лингвиста богатой форме.

Теперь нам следует покинуть *воть* и обратиться, наконец, к *ingrikot* (по-русски - *ижорам*), поскольку мы в нашем исследовании получили, наконец, веские доказательства, что эти последние (*ижоры*) по давности проживания в стране, как и *воть*, занимают первое место, и, следовательно, из трёх пришедших сюда финских народов могут рассматриваться как старейшие. В качестве таковых они расселились в

огромном количестве в общине Мартышкино, Серебета и Копорье по соседству с *вотью*. Далее на Восток и Север их численность уменьшается, так что, например, в соседних с Тюрё и Серебетой селениях Хиетамяки и Дудергофом обнаруживаются они существенно реже. Напротив, в более раннее время численность их в северной части губернии была значительно выше. Так Георги также утверждает, описывая Шлиссельбургский округ, что население его составляют «по большей части карельские и ингрские финны или ижоры, и собственно русские», а в районе Ладоги, ссылаясь на тот же источник, жителями являются «в небольшой части ижоры». В другом же более позднем исследовании, напротив, приводятся такие данные: «Согласно последней переписи 1783 года в данном округе (уезде) проживает 318 благородных жителей, 959 горожан (мещан), 11514 государевых и дворянских (крепостных) крестьян, по большей части – ижор».

По этому описанию можно было бы отыскать места нынешнего проживания *ижор* и других народов, издревле живших там среди *воти* и мигрировавших к ним *ижор*, а позднее также меж *ижор* и разных карельских родов. Да и говоры *ижор* в различных областях существенно отличны друг от друга. Так при близком соседстве с *вотью* язык *ижор* сближается с *вотским*, а также известно, что и *эврейсейсы* и *савакаты* описываются под наименованием лаплакоты. Напротив же, в прочих местностях Ингерманландии, где *ижоры* проживают в ограниченном количестве и более тесно соприкасаются с соплеменниками, они менее различаются своими говорами, особенно от эврейсейсов. Потому как *ижоры* вследствие давнего своего пребывания в данной стране оказались в очень тесных

и разнообразных связях с русскими, а их соплеменники *воть* в давние времена стали с *русскими* единоверцами, то естественно, что и диалект *ижор* приобрёл ещё и русскую окраску вместе с множественным заимствованием русских слов. Все сии причины привнесли более или менее выраженные изменения в их образе жизни и традициях, на которых мы теперь желали бы остановиться и дать живое описание нравов, обычаев и предрассудков *здешних финнов*, первостепенные и заслуживающие внимания отличия *ижор*, а также всего с ними связанного, сверх того, что даёт в своих описаниях Георги. Из них можно извлечь его ошибочные суждения и заблуждения, которые следует рассматривать как устаревшие, касательно нынешнего состояния *ижор* в сравнении с недавним их прошлым. С этим искренним желанием приступаем мы наконец к решению интересного вопроса: могли ли и как давно эти *ижоры* или *ingrikot* быть единственным народом, после которого вся эта местность уже издавна стала именоваться Ингерманландией?

Ижоры или *ижорцы*, как их называют, получили своё наименование от реки Ижоры, в окрестностях которой они в основном и проживали. Если бы это утверждение рассматривать как вполне законное, то возникает вопрос – откуда же тогда река получила своё название? И не могла ли река равным образом получить название от имени народа? Народ, местность и река здесь столь тесно связаны, что невозможно точно знать, к кому или чему из упомянутых трёх изначально оно относилось. В соответствии с финскими наименованиями, как, впрочем, и с их возможным русским происхождением, кажется нам, что всё же на самом деле, по меньшей мере, следует отдавать предпочтение реке и в ещё большей мере – местности. Страна по-фински именуется Ingerinmaa, откуда было образовано латинское Ingria или шведское Ingermanland и финское же название реки – Ingerinjoki. Из сего следует, что по-фински наименование *ingerikot* либо же укороченное *ingrikot* возникло так же, как и *sawakot* от Sawo или Sawonmaa, по финскому названию местности Sawolax; и тогда *ingrikot* есть тот же самый

русско-финский синоним от *ingeriläiset*, как обычно произносили местные финны вместо *ingerikot*. В качестве корневого слова и собственно происхождения названия во всех без исключения различных взаимоотношениях и нюансах остается слово *ingeri*, в родительном падеже - *ingerin*. Но что же означает *ingeri*? Хотя очевидно, что слово по форме финское, однако же в финском языке оно не имеет значения, не является и именем нарицательным. Но, в то же время, часто встречается как имя собственное, из чего можно заключить, что тут в основе названий народа, страны и реки лежит *Ingeri*, происходящее от какого-то имени собственного. И тут возникают различные догадки, приумножаемые другими исследователями.

Так Torfaeus повествует, обсуждая невероятные приключения героев саги *Sturlaug Starfsames*, о короле Ингваре из Альдейгиаборга (*Aldeigiaborg*), под которым обычно рассматривают город Ладугу. У Ингвара была дочь Ингигерда (*Ingigerd*), которую после убийства её отца *Sturlaug* передал некоему *Framar* вместе с со всем королевством и богатством. Что это за состояние, в источнике нет упоминания. Но вот имя из *Ingvar* могло перейти по-фински в *Ingeri* и далее превратиться в *Ingerinmaa*. Во всяком случае достоверно известно, что выше упомянутый шведский король *Ingvar Eistens* в отдалённых землях Дании (*Austurvegr*) много всего свершил, и в конце концов в одном из походов в Эстланию в битве при городе *Stein*, где войско его было разбито местными жителями, нашёл о свою смерть. По скандинавскому обычаю он был погребён вблизи *Adalsysla* на морском берегу под высоким насыпным курганом, о чём говорится в рунгах исландского сказителя *Thiodolf* "...и Балтика морскую песню поёт в услуду шведов королю". В то время как известия о сем короле Ингваре доходят до нас из давних времен, почти что из VI века христианской эры, такое сравнительно новое название как *Ingermannland* даёт нам повод обратиться к временам не столь отдалённым и ни коим образом не отрицая связи его с некоей персоной. Так, ещё Татищев предполагал, что Ингрия была названа так по имени сына Рюрика *Ингора* (*Ingor*), так как ещё в анналах *Иоакима* (*Joakimschen Annalen*) указано, что при

рождении сына эти земли были Рюриком подарены его матери *Ефанде (Jefanda)*. Предположение это с точки зрения языкознания имеет значение более для нас самих, и мы хотели бы присоединиться к возможному утверждению, данному Татищевым, согласно которого Рюрик подарил земли своему сыну, что гораздо более мотивирует этимологию названия страны. Пользуясь утверждением «всегда старайтесь для себя», мы воспользуемся авторитетом анналов Иоакима о связи формы *Ingor*, и, как мы полагаем, также и *Ingor*, вместо привычного нам *Игорь (Igor)*, не только как у византийцев, но и как у Liutprand, так и у других авторов. От имени *Ingor* могло, конечно, возникнуть название Ingerinmaa, а от русской формы Игорь произойти слово Ижора, и этимология таким образом была бы дважды мотивирована и подтверждена, и даже лучше, чем Татищев с помощью Иоакимовых Анналов. Татищев и сам чувствовал некоторую неопределенность в своих догадках и среди прочих приводит ещё одну, а именно, что *Ingrien или Ingermannland* могла быть названа от имени *Ingigerd (Ингигерда)*. Под персонай с этим именем предполагает он дочь шведского короля Олоф Скетконунг (*Olof Skötkonung*), которую, по данным Sturleson, выдали замуж за Хольмгардского (*Новгородского*) князя (Holmgardisch König) Jarisleif (Ярослав И. Владимирович). При этом она получила в виде свадебного дара Aldeigiaborg (Ладогу) и прилежащие к ней земли. Мы пожелали попытаться представить в надлежащем свете все эти события и детали, приводимые Стурлесоном и требующие обсуждения.

Так, по данным Стурлесона летом 1018 года Ярослав направил своего посла к шведскому королю Олофу Скетконунгу с предложением сватовства к его дочери Ingegrd (Ингегерде). Это последовало после захвата Киева польским королём Болеславом и бегства Ярослава в Новгород. В то же время, согласно русским хроникам, он намеревался спастись бегством далее за морем, и только благодаря великодушию жителей Новгорода остался в нём. И все русские хроники за 1018 год подтверждают то же самое. Несколько неопределенно упоминают они дипломатическую миссию, лишь давая понять, что она действительно имела

место быть. После этого в них рассказывается, что все повозки (лодки) Ярослава, приготовленные для похода за море были изрублены на куски, а новгородцы пообещали выступить против Болеслава и его брата: *«Начаша скоть събрати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а от бояръ по 18 гривенъ»*, что значило *“и начали они добровольные сборы – от каждого мужчины по 4 куницы, от старост по 10, а от бояр по 18 гривен”*. Эти сборы и пожертвования были нужны для содержания людей в предполагаемом военном походе. О самих переговорах касательно сватовства известно немного. Всё было, конечно, известно посланникам, которым было доверено их вести, и которые должны были за короткое время прислать общие известия о том, как было принято сделанное предложение. Как утверждает Olof O. Celsius в своей бесценной «Истории церкви в Швеции», Олоф Скетконунг направил Ярославу секретное послание относительно переговоров о браке. Достоверно известны образ мысли и условия шведского короля из подробного описания Стурельсона, *где он повествует, что ещё до прибытия русского посольства на общем собрании (Ting) с вожжами в Упсале конунг принял вынужденное решение выдать свою дочь замуж за сына норвежского короля Олофа Гаральда (Olof Harald)*. Дочери же он сказал, что она должна знать, что как бы ни велика была их любовь с «толстяком» (сыном короля Олофа Гаральда), но они никогда не будут принадлежать друг другу, и что скорее он отдаст её в жены любому другому вождю, с которым будет заключён дружеский мир. Из слов этих следовало, что он к тому моменту не знал доподлинно, с кем могла бы его дочь сочетаться браком, но что он скорее любому другому и даже своему собственному вассалу её отдаст в жёны, чем сыну Олофа Гаральда. Смысл сего дал Piringsköld в сколь возможно правильном переводе: *«sibi quippe decretum esse, cuidam praefectorum suorum, qui sibi amicus sit, eam potius collocare»* (...ибо для себя должно быть установлено, кто ему другом является, на того лучше полагаться...). При таких рассуждениях и в тех затруднениях, которые у него были, никто в мире не мог его привлечь, кроме как Ярослав, вскоре явившийся в качестве жениха его дочери, и Олоф заключил с ним дружеский союз пообещав свою дочь Ярославу.

С русской стороны было более политики, чем действительной симпатии вступивших в переговоры князей, так же как и в толпах варягов, явившихся в тот год на Русь, а всяческие добровольные советники и ходатаи так и не смогли добиться благосклонности *Ингегерды*, той благосклонности, которую питала она к норвежскому конунгу. На Русь, в предшествующие этому времена, часто обрушивались полчища скандинавских викингов. Эрик Ярл (Erik Jarl), сын Хокана Ярла (Håkan Jarl), который до прибытия Олофа Трюгвесона (Olof Tryggveson) был правителем в Норвегии, а после смерти своего отца получил дружеский приём в Швеции у Олофа Скетконунга. В 997 году Трюгвесон захватил город Ладогу, разрушил его и сжёг, и затем 5 лет подряд до 1002 года вдоль и поперек разорял всё в Руси, после чего при возвращении на родину те же бесчинства учинил ещё и в Эстонии. Похожее посещение прибрежных областей совершил через 6 лет в 1008 году и конунг Олоф Толстый, которому в то время должно было быть лишь 13 лет. Обо всех этих событиях повествует нам и Нестор. Но оба события свершились в продолжении 17 лет и ему, Нестору, как справедливо заметил Карамзин, были известны лишь предания с описанием множества смертей и большим количеством исторических пробелов. Когда в 1015 году Ярослав собрался в поход против своего отца, он привел из-за моря большое число наёмников, так что к следующему году, когда он выступил против своего брата Святополка, в войске его было до 1000 варягов, часть которых погибла во время мятежа в Новгороде.

После этого можно было бы полагать, что между Русью (Gardarik) и Скандинавией установились лишь дружеские отношения, о чём повествуется в Саге Олофа Святого. Так, например, норвежец по имени Гудлейкр очень часто путешествовал по торговым делам в Руси. Летом 1017 года он предпринял еще одно путешествие, захватив с собой и товары Олофа. На обратном пути на него напал швед Торгётер Скарде, ограбил его и забрал себе всю добычу. Но вот отдельно в этой же Саге Олофа Святого говорится, что Свен Ярл, который бежал от Олофа из Норвегии к тестю (отчиму) либо другим дальним родственникам,

к шведскому конунгу, чтобы добыть богатства. Собрав свое войско, он отправился из Швеции в 1015 году на Восток в Русь, где занимался грабежами целое лето и осенью возвратился в Швецию. В последующие годы рассказывается о норвежце по имени Эйвиндер Урархорн, который каждое лето совершал набеги с викингами на Западе и на Востоке, во Фрисландии, а в лето 1017 года он с викингами удерживал власть на всей Балтике. Вообще же жители прибрежных земель часто совершали путешествия по торговым делам в Англию, Германию, Фландрию и Данию, но иные из них участвовали в набегах викингов. Несомненно, что эти викинги причиняли большое беспокойство жителям прибрежных земель Руси, о чем молчат русские хроники, хотя, впрочем, как раз в эти годы часто говорилось о таких важных событиях, как об отдельных разбойничьих набегах, совершаемых народами, которые не были русскими, но при этом они признавали их власть и состояли под их управлением. Можно было бы полагать, что сии разбойничьи набеги в меньшей мере относились к шведам, так как они, если ли не полностью их прекратили, то значительно уменьшили, поскольку князья обоих государств заключили тесный братский союз.

Как утверждают некоторые исследователи, мать Ингерды – Астрид (или Эстрид) была дочерью польского короля Болеслава и Юдит – сестры венгерского короля Стефана. Таким образом в брачных планах Ярослава в тот отрезок времени можно было предположить двойную политику. В любом случае сближаясь с обоими дворами соседних государств, когда это бы уже состоялось, достигался не сиюминутный, но долговременный результат с большими надеждами на будущее, хоть и с не вполне ясными перспективами. Более близкой целью Ярослава в его стесненном положении было получить помощь против своего брата со стороны варягов и польского короля Болеслава.

После свершений Игоря и Владимира можно было свободно и без брачных предложений приобретать уверенность с помощью толпы отважных наёмников, и там, где это ценилось, приобретать богатства, честь и уважение, чего всегда недоставало в Швеции, как и во всей Скандинавии, с её отважными воинами,

полными презрения к опасности и готовыми по первому зову отправиться в бой. Несколько выше в нашем повествовании мы уже видели из приготовлений новгородцев, собиравших пожертвования на войну, какой дух царил и здесь и во всей Скандинавии.

Ярослав и его советчики смотрели на это и с другой стороны, когда варягам в Новгороде учинили кровавую расправу, которая до сих пор жива в воспоминаниях. И, несмотря на жестокость кары, по меньшей мере значительную часть их соотечественников могла быть весьма запугана и утрачена в дальних походах по Руси. Так что с этой точки зрения план сватовства был великолепным средством остудить горячие головы, и устранить даже все опасения насчёт возможности повторения подобных событий в будущем. Да, план был действительно счастливым выходом, и сверх того давал надежду, что будущий тесть из великодушия и по собственному побуждению пришлет в поддержку будущему зятю отряд воинов.

Положение было таково, что Олоф Скётконунг не мог не думать о просьбе Ярослава, но был способен на свершение сильных отдельных поступков, насколько нам это известно из его характера, его политики и образа действий. Между тем, поскольку он пообещал свою дочь Ярославу, ту самую дочь, которую всего несколькими месяцами ранее на общегосударственном собрании в Упсале, и разумеется по своей доброй воле, пообещал сыну норвежского короля Олофа Гаральда, с тем, чтобы положить конец затянувшейся вражде между обоими конунгами, и таким образом он нарушил своё «королевское слово», в то время как норвежский жених тщетно ждал свою венценосную невесту у границы Швеции. А собственные подданные Олофа Скётконунга также с нетерпением ожидали выполнения его обещания и завершения сделки между обеими сторонами.

Чтобы узреть долгожданный и прочный мир, должен был он в этой ситуации сохранить самообладание перед весьма вероятными ужасными последствиями своего своенравного решения, и к неудовольствию своего (несостоявшегося?) новоявленного зятя, единственно как следствие своей страсти, его войска от себя

удалить. В то же время хотелось ему к тому же сделать что-либо и для посланника Ярослава, хоть и был он в связи со всем вышеупомянутым несколько ограничен в своих возможностях. Посему он разрешил посланнику проехать через его земли и нанять сколько сможет добровольцев в свою дружину.

То, что таковое событие имело место быть, свидетельствуют русские хроники, и оно придавало посольству более значимости, о чём мы уже писали выше. Непосредственно после передачи собранных пожертвований, как сказано в хрониках : *«и приведоша Варяги, вдаша им скотъ, и совокупи Ярославъ воя многы»* (...и привёл варягов, и дал им денег, и собрал Ярослав большое войско...). С этими вновь нанятыми варягами и с теми дружинами, которые могли находиться в Новгороде, объединив их с русскими войсками Ярослав выступил против своего брата и подвластных ему печенегов, одолел их в кровавой битве при Алте, и утвердил Великокняжество в Киеве.

В том же 1019 году, в самом его начале, опять прибыли в Швецию посланники Ярослава, чтобы напомнить конунгу Олофу о данном им прошлым летом обещании относительно его дочери. Олоф известил их, что его желанием является женитьба Ярослава на дочери. Он был согласен с условием, что в качестве свадебного подарка она получит город Альдейгиобург (Ладогу) вместе с окружающими и прилежащими землями княжества. *Это было сказано посланникам Ярослава от имени бога*. В свою очередь Ингегерда выставила свое условие, что она выберет в Швеции одного из мужчин в качестве сопровождающего, который бы ей служил, у которого бы на Востоке были бы тот же сан, то же уважение и те же привилегии, какими он обладал в Швеции. И конунг и послы согласились и с этим условием. На вопрос конунга: «Кто есть сей муж?», она отвечала: «Рагнвалд Ярл (Ragnwald Jarl) – мой родственник». Конунг припомнил о его измене Galgen, но согласился на настоятельную просьбу дочери с той лишь оговоркой, что во время его (конунга) правления в Швеции Рангвалд Ярл никогда не вступит в пределы страны. Ингегерда послала гонцов к нему на Вест-Готланд и назначила место их встречи.

Он быстро был готов к путешествию, перебрался на Ост-Готланд, оснастил корабли, и под парусами со всем своим имуществом отправился навстречу принцессе, чтобы летом отправиться на Русь. Там Ингегерда и Ярослав поженились; и были у них сыновья – Волдемар, Висивалд и Холтти Храбрый (или Ловкий). Ингегерда передала город Альдейгиобург (Ладогу) с относящимся к нему уделом под управление Рагнвалду Ярлу. Он оставался там (на Руси) довольно долгое время и был уважаемым человеком. Сыновьями Рангвалда Ярла (Ragnwald Jarl) и его жены Ингеборги (Ineborg) были Улф Ярл и Эйлиф Ярл. Так повествует Sturleson.

Так что же следует понимать под принадлежащим Альдейгиоборгу уделом, который Ингегерда получила с неограниченными правами в виде свадебного дара, и который после прибытия на Русь она передала в управление Рангвалду Ярлу, бывшему также ярлом в бытность его в Швеции в Вест-Готланде? Так в “Общей северной истории” Шлецера (Schlözer, стр. 499, параграф 9) есть ссылки на Байера (Bayer), что Снорре (Snorre) под названием “Jarlsriki” понимал Карелию. Коль скоро в данном случае должно было возникнуть название местности, то и встречаем мы его в текстах не иначе как «Округ Альдейгиаборга или Ладоги», и тогда в ограниченном старом понимании Ингерманландия является северо-восточной частью округа. Возможно при этом, что у русских она имела иное специальное название или входила в понятие Водская Пятина либо же просто именовалась по собственной своей столице Ладогой, что в старые времена было у русских обычным делом. Сам Стурельсон в одном месте называл: “Aldeigioborg oc Jarls riki Pat, er Par ligger til”, а в другом, где владение передавалось Рагнвалду Ярлу, речь шла о “Aldeigioborg oc Pess Jarls riki er Par fyldi”. Эти места текста были переведены Перингшёльдом (Peringsköld) на латынь более описательно: “Aldeigoburgum eique adnexa provincial, que Jarli cujusdam imperio regi solet” и ещё “Aldeigiburgum simulque annexam ei provinciam cum Jarli dignitate”. (Примерный смысловой перевод: «Альдейгиаборг с прилежащими землями под управлением Ярла») Более поздние шведские издания Королевских Саг Стурлесона дают более короткие

и по смыслу такие же, но не совсем точные переводы: первый - "Aldeigioborg och det Jarldöme, som dit hörer", и второй - "Aldeigioborg och det Jarldöme, some dermed fölgde". По смыслу и более точно должны быть эти строки, по моему разумению, переведены таким образом: *"Aldeigioburgum eique adjacent praefectura"* и *"Aldeigioburgum eamque (ejusque) praefecturam, que adnexa eidem erat (sequebatur)"*, так же точно как при получении этих земель в приданное, или, иными словами, так как они и ранее назывались. Поскольку дополнения Перингшёльда: *"quae Jarli cujusdam imperio regi solet"* и *"cum Jarls dignitate"* отсутствуют в словах Сноппе - и во многих выражениях вместо **Jarls riki** имеется лишь только **riki** - и в таком наименовании можно придти к выводам, о которых он и не думал. Не следует рассматривать всё упомянутое так, как Стурлесон употребляет здесь слова Jarl и Jarlsriki в скандинавском и особенно в норвежском смысле (понимании). И мы можем с полным правом и основанием это сделать. Харальдом Хорфагером (Harald Hårfager) были установлены обычаи, когда в различных провинциях королевства назначались так называемые Ярлы в качестве представителей или губернаторов (управляющих). Это было отчасти и во времена Олофа Скётконунга в Норвегии и в меньшей мере в отдалённых приграничных районах в Швеции. Таким образом собственно сам Рагнвалд Ярл, которого Ингегерд взяла с собой на Русь, и был в своё время таким управляющим в граничащей с Данией и Норвегией провинции Вестерготланд (Westergotland). В России Сноппе мог употребить термин «Jarlsriki» применительно к относящимся к Айдейгиобургу землям, поскольку этот самый Рагнвалд в свою очередь и стал благодаря Ингегерде таким Ярлом. Помимо того, возможно Стурлесон не знал достоверно, что в России с самого начала применялась подобная скандинавской система. И, наконец, находятся примеры, что слово Ярл применялось различными иноземцами, и у концепиентов не было мыслей о возможной схожести таких «институтов власти», как здесь применительно к России. После такого подробного введения становится также ясно, что Стурлесон своим словом «Jarlsriki» не обозначил ничего другого, как провинцию, или то, что в нынешнее время в России называют губернией.

Посему во многих рецензиях на Сагу Олофа Святого просто-напросто применяется «riki», слово, которое до настоящего времени означает по-исландски царство, власть, по-шведски – правление, правительство, власть, мощь, а изредка – некая должность, но также употребляется и в значении район, область, господство. Такое старинное понятие «*Jarlsriki*», собирающее все эти значения в таком большом объёме, а также и включающее в себя одновременно и институты обоих соседних государств, мы предлагаем очень точно выразить в переводе на латынь словом *"praefectura"* (*наместничество*), поскольку такие более современные синонимы как Ducatus и Comitatus употребляются редко. Если теперь кто-либо говорит «*Jarlsriki*», и это относится к Aldeigiaborg (город Ладога), примыкает к нему, а так же относится и к другим местам, то становится равным образом очевидно, что при этом невозможно думать о Карелии, поскольку располагается она на Западе, на озере Ладога (See Aldoga), но не вблизи Aldeigiaborg (города Ладога). Более того, упоминаемым озером отделена и лежит вдали и в стороне, и *носит собственное имя, что хорошо известно скандинавам, но не русским*, и уже поэтому ещё менее тот город может относиться к области Карелии. В связи со всем этим, как мы сами ранее прояснили, в этих границах было то, что позднее считалось так называемой Ингерманландией, и могло быть собственно понятием «*Jarlsriki*». И Ингерманландия была, таким образом, провинцией, которую Ингегерд в виде безграничного удела оставила за собой, но передала в управление привезенному из Швеции Рангвалд Ярлу.

И здесь, наконец, имеем мы исторический, достаточно достоверный и весьма определённый факт, к которому мы можем привязать названия, являющиеся предметом нашего исследования. Если какое-либо событие мы считаем подходящим для того, чтобы назвать какую-либо страну или область по имени некоей персоны, так вот вам такое – иноземная принцесса, супруга местного князя, получившая в качестве приданного целую провинцию с выговоренным правом полного и безграничного распоряжения ею, согласно чему на протяжении

долгого ряда лет от её имени и как её собственностью некий прибывший с ней вместе наместник и родственник был поставлен судить и управлять сей землёю.

Летописец Нестор и сам приводит в 980 году подобный пример, когда Туров (ныне лишь городишко в Минской губернии) и жители его туровцы получили своё наименование от правившего там некоего Тура. Именно так и появилась область, которую благодаря личным делам Ингергерды, со всей правомочностью финские переселенцы в эти места и их соседи называли *Ingerinmaa*, что в сущности означало не более и не менее как *Страна (Земля) Ингергерды*. И всё это поскольку *Inka* и *Inga* или *Inkeri* и *Ingeri* по сию пору означает в финском языке *Ingrid* - от старинных укороченных имён *Ingerid* или *Ingrid*, как и *Ingeborg*, хотя оба они и друг от друга и от третьего старо-скандинавского женского имени *Ingegerd* отличались. В старину эти имена меж собой смешивались и путались, ну а позднее и вообще форма *Ingegerd* стала весьма редкой, и, наконец, вообще вышла из употребления. В особенности имена *Ingerid* и *Ingegerd* были по своему внешнему звучанию в укороченных формах *Ingrid* или *Ingird* и *Ingerd* столь схожи, что на слух не столь уж и просто было их отличить друг от друга. Особенно часто должны были сливаться в одно общее звучание имена *Ingrid* или *Inger*, последнее из которых обнаруживалось уже в рунических надписях на могильных камнях в Скандинавии, и было столь же часто употребляемо как для *Ingegerd* либо для *Ingerid*. Возможно, впрочем, что имя *Ingegerd* на востоке от Швеции было менее известно, и уж очень я сомневаюсь, что употребление его присуще Финляндии, хоть Швеция и близка была, и по-фински *Ingegerd* скорее всего прозывали как *Ingeri*. А если бы в Финляндии действительно употреблялись имена *Ingegerd* либо *Ingerd*, то духопокровителю языка финнов следовало бы как и *Ingerid* либо *Ingrid* превратить в *Ingeri*. С точки зрения языкознания нет никаких, даже незначительных сомнений, что *Ingerinmaa* у местных финнов и соседних с ними народов произошло изначально от имени *Ingegerd*, так же как в Финляндии в Ускела есть деревня *Ingeris*, и поселение *Ingerilä* (в церковных приходах Кристины в Саво (*Christina in Sawolax*), *Ingilä* в Иё близ Оулу (*Ijo* вблизи *Uleåborg*) и так далее по имени некоей

Ingrid или *Ingeborg*. Так же как и располагающиеся *Ingeris* или *Ingris* финское село и финская община в Санкт-Петербургской губернии, или как река *Ingerinjoki*, если только не из более давних времён по схожести или тождественности с именем-предшественником, как *Ingerinmaa*. А может ли быть, что ещё в первой половине XI века, во времена *Ярослава* и *Ингегерды*, некая их современница *Ingris* передала своё поселение или поместье или даже постоянный двор с сомнительной репутацией самой *Ингегерде* либо её слугам? Маловероятно! Тем временем могли получить названия и река и поселение от места расположения в первоначальной *Ingerinmaa*, так как в любом случае название страны первоначальнее и старше.

По-русски же и река, и поселение называют *Ижора*, но это наименование есть не что иное как финское *Ingeri*, которое заимствовали русские аборигены, «дух-покровитель» языка которых не передавал носовые звуки *ng* и *nk*, да к тому же ещё и частенько заменял “г” на “ж”. Из переделанного слово *Ижера*, возникло *Ижора*.

Но была же ведь у шведского конунга Олофа Скётконунга дочь *Ingegerd* (по-фински *Ingeri*). И её свадьба с русским Великим Князем Ярославом Владимировичем была первым поводом к тому, чтобы вся эта местность, как её удел с его финским населением, а через них соседними финоязычными народами была названа как Земля Ингери (*Ingerinmaa*). Проблематично лишь то, получило ли сие название благодаря этому длительное общее признание в том числе и в отдалённых землях, частично прилегавших к ней. После смерти Великой Княгини в 1050 году действительный смысл названия исчез, но осталось его традиционное использование, которое продолжалось ещё в продолжение столетия. При этом потихоньку забывалась связь его с именем княгини, и оно могло быть заменено каким-либо другим, ежели ли бы со временем в стране, которую мы описываем, не произошли изменения, способствовавшие закреплению существующего названия. Посему оно осталось и вне пределов страны в соседних землях, что и было одобрено и признано необходимым.

Надолго *Ingerinmaa* имело ещё и историческое значение, то есть в первой половине XI века жителями здешних земель были с большой вероятностью *воть* и родственные им *чудские* народы *и емь*, одни на Юге, другие на Севере по южному побережью Ладожского озера и затем по обоим его берегам. В продолжение целого века местные русские хроники упоминают финские народы этих земель, и кроме общеупотребительного и неопределённого названия *чудь* встречаются ещё два особых – *воть* и *емь*. Оба они впервые появились в письменных источниках в середине столетия: *емь* – в 1042 году, когда сын Ярослава, Владимир, предпринял против них поход, и *воть* – впервые в 1069 году. И при этом ни слова о *карелах* и *ingeri* или *ижорах*.

Это молчание подтверждает наше заключение, что, хотя по особой причине, географически и политически название *Ingerinmaa* ещё существовало, но в стране не упоминалось о позже появившихся так называемых *ingeri*, а жителями были там уже и *воть* и *емь*. Хочется привести в оправдание существовавшую в давние времена большую неосведомлённость с этнографической точки зрения, распространявшуюся также и на русских. При том надо признать, что воистину непостижимым остается вопрос, почему же сами они, впоследствии стали называться *ижорами*. Ибо ещё до середины того столетия они были жителями этой местности, и были известны по меньшей мере до 1069 года под своим собственным именем *воть*, и, следовательно, от *еми* всё ещё хорошо отличались, хотя в те стародавние времена оба народа отличались и от *карел*.

До середины следующего столетия мы сталкиваемся с фактами, которые хоть и представляются нам туманными и скудными, но всё же позволяют заключить, что с населением так называемой *Ingerinmaa* должны были произойти весьма значительные изменения. Помимо описания безначалия, безвластия и путаницы, которые возникли в результате раздоров с правившим в Новгороде Великим Князем Всеволодом и повлекли за собой многообразные притеснения

новгородцев, упоминаются в хрониках 1142 года и вражеские нашествия *еми* на новгородское Приладожье.

И они должны были придти в виде многочисленной рати, что представляется мне совершенно определённым фактом в обеих упоминавшихся летописях. Пришла *емь*, говорится в них, и разорила многие новгородские волости. А потом сошлись жители Ладожской области против *еми* и убили 400 их мужей. Кажется, что *емь* прекрасно знала положение в Новгороде и просто хотела воспользоваться подходящим случаем. В одной из хроник того же 1142 года сразу после нападения *еми* упоминается, что некий шведский князь в сопровождении епископа на 60 судах с купцами и тремя ладьями (боевыми) по пути из заграницы напали (на новгородцев) и в происшедшей битве сами потеряли 3 корабля и 150 мужей. Упоминание это не совсем случайно, но по большей части находится в связи с предыдущим походом *еми*.

Кроме того, это представляется ещё и таким образом, что речь должна вестись не об обычной *еми*, которая с прошлого века, по меньшей мере с 1079 года, селилась по восточному побережью Ладоги, и с которыми новгородцы в дальнейшем, и особенно в описываемом столетии свершили много дел. Здесь должно вести речь о другой ветви того же племени, которая обитала на южном и юго-западном берегах Ладожского озера еще с XI века. В качестве сообитателей сих Ладожских земель или *Ingerinmaa* могла эта южная *емь* какой-то период времени находиться в известной зависимости от русских и платить им добровольную дань. Да к тому же отныне стали они ещё и вассалами урождённой шведской принцессы, которая могла всегда получить помощь из своей Родины с целью завладения их имуществом. Следовательно, возможный мятеж *еми* оказался меж двух огней и неминуемо вёл к их поражению.

Когда же Ярослав остался в Киеве, и оттуда вступал во внешние и внутренние военные конфликты, то для их счастливого разрешения с помощью оружия в свою пользу, он всегда приглашал на помощь варягов. Кроме того и *южная чюдь* подавала пример повторяющихся мятежей, поскольку они хотели в полной

мере пользоваться свободой, как *емь* и *северная чудь*. Это могло быть причиной первого похода новгородцев под началом Ярослава сына Владимира в 1042 году. Следовательно, он был направлен не напрямую против юго-восточного побережья Ладоги и Тихвинского округа, как я ранее утверждал в моём сочинении о старых местах обитания *еми*, и в одном более позднем источнике. Гораздо более возможно, что это были территории южного берега Ладоги или нынешние округа Ладога и Шлиссельбург. Да! Сама *воть* отважилась в 1069 году объединиться вместе с Полоцким князем Всеславом против Новгорода, однако в страшной битве под стенами города была уничтожена.

Обращает на себя внимание, что о народе *емь* с момента, когда он впервые под этим именем упомянут в русских летописях, с похода Владимира в 1042 году, в продолжении всего столетия, за исключением случая с князем Глебом Святославовичем в 1079 году, ничего не известно. Они появляются вновь в упомянутом происшествии 1079 года в южной Саво, что означает местность, по которой проходит ныне граница Олонецкой губернии на Восток от Ладоги. Таким образом становится ясно, что восточная ветвь племени *емь* в этом промежутке времени расселилась далее на Северо-Восток. Из западных земель Ладужской области обитавшая там *емь* могла и должна была совершать подобные перемещения, к тому же земли на Юге или Юго-Западе занимаемые до тех пор *вотью*, отныне после упомянутого их поражения, стали пустынными. Это обстоятельство, наряду с естественным стремлением к свободе и независимости, могла дать *еми* импульс к обратному движению на Юго-Запад в сторону Финского залива, или впоследствии по меньшей мере длительному пребыванию на его окраине.

Да! Возможно, что таковые обстоятельства послужили умножению численности населения оставшейся в этой местности *еми* за счёт их восточных собратьев. Посему вся прибрежная территория Ладужского озера долго оставалась занятой *емью*, а сами соплеменники, естественно, поддерживали между собой тесные связи, до тех пор, пока *русские* не начали вторжения в страну. Связи

начали рваться, но с легкостью могли продолжаться вдоль Озера. О да! Возможно, что частичное переселение из Южной Саво могло быть причиной, особенно с той поры, когда русские всё более распространялись в те края и стали вытеснять местную *емь*.

Таким образом, нынешнее географическое положение переселенцев *еми* в южные земли Олонецкой губернии, как и последующее полное рассеивание ослабленных и отдалённых их остатков на Восток к Перми и на Север становится легко объяснимым. Сверх того, это означало, что *русские* значительно раньше распространились далеко на Восток и даже на Северо-Восток, чем на Запад и Северо-Запад. На Западе независимость *еми* представлялась им гораздо более гарантированной, и не было чудом, что на берегах Финского залива и на перешейке меж заливом и Ладожским озером располагавшаяся западная ветвь племени *емь* могла там столь долго оставаться и, как сказано, путем частичного переселения с Северо-Востока только усилилась и выросла как в численности так и в силе, по сравнению с ослабленной и рассеянной восточной ветвью племени, которая получила также независимость от Руси, благодаря своим связям с основными массами *еми*, как подтверждают давние исторические источники.

Единственным следствием похода Владимира в 1042 году оказалось то, что *западная емь* начала возвращаться из окрестностей г. Ладога и прилегающих к ней земель на западные и юго-западные территории, чему, как мы уже заметили, дало толчок катастрофическое поражение *воти* в битве с новгородцами в 1069 году. После такого переселения, которое произошло, вероятно, во второй половине этого столетия, сверх того могло ускорить перемещение *другого финского племени*. Покинутая *емью* Ладожская область стала им чуждой, где у них остались отдельные соседи, постоянно им угрожавшие и при удобном случае замирённые. Это лучше всего позволяет подтвердить неполные, туманные сведения об одном из походов новгородцев на Ладогу в 1105 году с целью завершить войну. И здесь название народа, который в этом деле участвовал, в обоих новгородских хрониках

упоминается лишь однажды. Возможно по вине переписчиков летописей, и таким образом, как я уже предположил, здесь невозможно было быть другому похожему народу кроме *еми*, которая проживала вблизи, но более не в Ладожской области, которую они недавно покинули в борьбе за независимость от русских и благодаря напору других совместно действующих племен. Теперь же они сами замирились, а быть может это было достигнуто русскими. Всему предшествовал увенчанный победой поход Мстислава в 1113 году с установлением отношений с *емью*. По меньшей мере в это время совершенно точно происходило укрепление Ладоги и произошел победоносный завершившийся замирением поход. Ежели бы была эта *емь* при этом действительно коварна и агрессивна, то опасения русских перед их реакцией не уменьшились бы, но со стороны *еми* с большой вероятностью ожидалось лишь их дальнейшее отступление.

Среди этих в целом туманных обстоятельств ещё более доказательным и решающим фактом является усиление *западной еми* с 1142 года, о чём мы уже сообщили. Определённо известно, что *емь* явилась с войной в Новгородские волости, что жители окрестностей Ладоги против них объединились и нанесли ответный удар, при этом *емь* потеряла до 400 воинов. Это есть абсолютно ясное доказательство, что вовсе не *емь* а совершенно другие жители были в Ладожской волости, и которые ныне где-то по соседству на западе должны были обрести места своего проживания. Ещё со времён Лерберга все новые историки утверждают, что они пришли из нынешней провинции Хяме в «Новой Финляндии».

Но теперь же любому, кто вошёл в курс дела и знаком с нашей позицией из предыдущих беспристрастных и выверенных научных сочинений, сие представляется совершенно невозможным. Несравненно естественнее и правдоподобнее противоположное объяснение, данное ещё старым Щербатовым, что речь идёт здесь о народах, издавна живших у Ладожского озера. Я полагаю, что речь идет о территории по меньшей мере недалеко от Ладожского озера на северной стороне от Финского залива по нынешней финляндской

границе на Запад и на Север в сторону «Старой Финляндии». Стало быть, там была и остаётся основная масса племён *еми* после разделения в указанном направлении от их *восточной ветви*. От Ладожского озера должна были *емь* примерно в это же время отрезана, и тому есть следующие основания.

Как теперь известно, *емь* объявилась уже в начале предшествующего столетия и затем, вытесняя *лапландцев*, расселилась в «Старой Финляндии» или в теперешней Выборгской губернии между Финским заливом и Ладожским озером, вдоль юго-западного или западного побережья. Однако в последующем *емь* была вытеснена на Север другим финским племенем – *карелами*. Все эти столкновения и распри впоследствии легли в основу их длительной взаимной вражды. *Емь* не была ослаблена или раздроблена, встретившись с многочисленными, ловкими и изворотливыми *карелами*, но была выдавлена вовнутрь от Финского залива, вдоль Ладожского озера, пока наконец не перебралась на юго-западный (левый) берег Невы и не расселилась на южном побережье Ладожского озера на землях нынешних волостей Шлиссельбурга и Ладоги. Оттуда шло постепенно окончательное вытеснение *еми* в Финляндию, а через южные части страны – до мест проживания *воти*.

Факт первого вторжения и распространения *карел* на юге в землях, прилежащих к Ладожскому озеру, в покинутую *емью Ingerinmaa*, к середине XII века, а, возможно, в конце предыдущего и начале этого, и вследствие катастрофы с *вотью*, и также вследствие этого изменение места проживания *еми*, подтверждают ещё раз наши собственные русские летописи. Так обе Новгородские хроники извещают о нашествии *еми* в Ладожскую волость и о полученном отпоре, и там же в следующем 1143 году далее повествуют о походе *карел* против *еми*. Этот факт для нас в высшей степени значим, так как здесь прошло целое столетие после первого упоминания в русских хрониках названия *емь* как *нового финского народа*. Но, к сожалению, сие имеющееся в летописи описание, которое нам предъявлено, как и многие другие, по сути скучное и весьма туманное. Принимая

во внимание исход этого столкновения *карел* с *емью*, мы так и не знаем точно, должно ли здесь говориться о бегстве двух судов: то ли *еми*, то ли *карел*. С другой стороны, точные сведения об этом для нас не столь уж и важны. Гораздо ценнее тот факт, что *карелы* предприняли поход против *еми*. Эти сведения, находясь в связи с событиями предыдущего года, подтверждают, что *карелы* вместо ранее жившей там *еми* были населением Ладожской волости. В качестве таковых они подверглись в предыдущем году нападению *еми*, совместно с *русскими* отбили нападение, а теперь захотели отомстить *еми* и предприняли ответный набег, дабы «вознаградить» врага по заслугам его. Морской бой, исход которого в потёмках летописи остаётся двойственным, вероятно должен был бы проистекать в устье Невы либо в уже в самом Финском заливе. Оба эти факта проливают таким образом яркий свет на взаимоотношения меж двух племён, и дают нам возможность заключить, что переселение *карел* успешно происходило при уже ранее проясненных нами обстоятельствах.

В самих летописях об этих обстоятельствах даже не упоминается, но молчание это никак не подрывает наши предположения. Русские летописи обычно и о собственных-то делах повествуют сухо и скудно. Нам же остаётся предполагать, что «неполное упоминание» о важных событиях происходило, когда они вообще никоим образом не касались *русских*. Так что же нам огорчаться от того, что в русской летописи вскользь упомянуто, что где-то там в далёкой Финляндии либо на границе с Русью между двумя финскими народами могло произойти нечто, что вызвало не одномоментное и не насильственное, а, неким образом, постепенное и организованное их переселение? Но нет же! Мы можем быть совершенно уверены, что мы утратили бы сей туманный и краткий, и тем не менее, драгоценный и важный факт, что самих русских при этом не было. А это иными словами означает, присовокупляя к сему их непосредственное участие в событиях предшествующего года, что *карелы* не жили ни рядом с ними, ни в приграничных с ними землях.

С одной стороны, сам по себе факт сей, в том виде как он представлен в летописях и в связи с теми взаимоотношениями между *русскими и емью*, а с другой стороны, между *емью и карелами*, также безоговорочно подтверждает происшедшее быстрое переселение. Как в связи, так и вследствие этого впервые у *русских* было упомянуто название *карелы*, как имя живущего рядом и союзного им народа, который принимал участие в различных военных событиях совместно с *русскими*. Затем *карелы* упоминаются ещё раз уже в 1149 году вместе с новгородцами и псковитянами в составе войска Великого Князя Изяслава Мстиславовича, когда они выступили на Волге против дяди его Юрия Владимировича. Между *карелами и емью* царили длительные враждебные взаимоотношения, которые *русские* умело использовали к своей выгоде и постоянно подпитывали их. Что же касается *карелов*, то в силу своих убеждений и взглядов и ретроспективы политических процессов, они были ближе к *русским*. Да и просто как близкие соседи с их большой ловкостью в делах, и вообще честным и легко приспосабливающимся характером, они больше подходили в союзники, чем своенравная и непокорная *емь*.

Примерно этим же временем, а точнее, концом XI века, можно с натяжкой определить начало зависимости *карелов* от *русских*, о чём в своё время сообщали Лерберг и Карамзин несколько греша против правды в том, что будущая зависимость *карелов* приписывалась всему племени. В тоже время у нас тут речь шла лишь о части *первых карельских переселенцев*, которые оказались вблизи Ладоги. Более того, расселившись по южному побережью Ладожского озера, они осели там в границах теперешних волостей Шлиссельбурга и Ладоги. Наименование же *карелы* у Лерберга и многих других, исходя из воззрений на ранние места обитания *еми*, могло легко ввести в заблуждение. Посему, не следует обманываться словом, коим именуют народ.

Как было уже нами показано на примере *воти*, которых *здешние финны* называют *ingrikot*, а по-русски *ижоры*, и иногда даже до настоящего времени – *карелы*. И именно они в качестве *переселившихся карел* обнаружили на своём

историческом пути, и именно в них-то и распознаются предки современных *ingrikot* или *ижор*. И вот тут-то мы легко осознаём, что именно *воти* должны мы быть обязаны тем, что в 1143 году название *карелы* впервые обнаружилось в старинных русских летописях, хотя в более позднее время под ними подразумевали *ижор*. И эти самые *ижоры* своими ближайшими новыми русскими соседями назывались *карелами*, что, впрочем, было по сути совершенно верно, поскольку указывало на происхождение и переселение *ижор*.

После такого разъяснения можем мы на будущее, как и русские, заимствовать от *воти* их самоназвание *ижоры* (*ingrikot*), устранить возникшее заблуждение и гораздо точнее указать, что это именно *ижоры*, коих существование в сей местности и, вследствие этого обусловленная зависимость от русских, датируется с конца XI века и начала следующего. Зависимость эта возникла как в связи с естественными процессами, так и в результате разумной политики русских, и скоро распространилась и на *истинных карел*, обитавших в большом числе в Финляндии позади *ижор* вдоль Ладожского озера, но ко времени, когда в русских хрониках стало встречаться название *карелы* к середине XII века, в Финляндии *истинные карелы*, конечно, уже были.

То, что в Ingerinmaa *карельское население* и явилось новым соседом *воти*, было новым явлением, особенно важным и интересным именно для *воти*. Вполне естественным оказалось и то, что название *карелы*, которое заимствовали и длительное время употребляли *русские*, было общим. По традиции оно остается таким до последних дней, и они могли бы сохранить в обиходе название Ingerinmaa как обозначение местности и использовать его или не пользоваться им. По-иному обстояли дела с *емью* и *карелами*. Поскольку наименование Ingerinmaa возникло в их среде само собой и длительное время сохранялось в употреблении, естественно, что оно перешло и на обозначение области проживания *переселившихся карелов* и позволило отличать их от *истинных первоначальных карелов*.

Так вот и связалось в том столетии возникшее по разным политическим обстоятельствам название местности и этнографическое понятие, которое,

впрочем, почти неразличимо в потёмках истории, и скоро может быть предано забвению. Что же касается самого поименования местности, первично возникшего и приобретшего общее признание в будущем, названию этому без известных предшествующих обстоятельств было бы весьма трудно возникнуть. Единственное различие, если можно так выразиться, которое было сделано между *емью* и *карелами*, состоит в том, что наряду со старинным названием области *Ingerinmaa* для наименования обитателей сих земель, возникло прилагательное *ingeriläinen* (во мн. числе *ingeriläiset*), которое до сегодняшнего времени продолжает существовать в Финляндии, а в Санкт-Петербургской губернии под влиянием русского языка преобразовалось в *ingerikko* (во мн. числе *ingerikot*).

За рубежом название *Ingerinmaa* и её жители известны в Швеции, вполне естественно в качестве финских народностей и, прежде всего, *карелов*. Одновременно с захватом первоначальной *Ingerinmaa* получили *карелы* в свои владения Неву и утвердились на берегах Финского залива, вытеснив *емь* ещё далее в сторону Финляндии. С тех пор Балтийское море и примыкающая Швеция, равно как и прибрежные земли Новой Финляндии, стали ареной морского пиратства, в котором вместе с *эстами* и *вотью* принимали участие ловкие, деятельные и воинственные *карелы*, интересы которых были общими. Они выступали иногда под своим собственным именем, иногда под именем *эстов*, а подчас их именовали язычниками и *руссами*, и с большой вероятностью путали ещё и *куршами*, о чём известно из летописей XII и последующих столетий.

Как и следовало ожидать, появились такие названия как *Ingreboo*, *Ingrii*, *Ingrer*. Почти все хроники, которые можно привести в доказательство *Ingrer*, были написаны в более поздние времена (XIV-XVI века). При этом не стоит сомневаться в том, что название *Ingrer* в Швеции было известно уже во второй половине XII столетия, и *Ingria* как географическое и одновременно этнографическое понятие в то далёкое время достигло Рима и ушей Папы Александра II. В своей булле на имя Первого Упсальского Архиепископа Стефана и его служителей он поручал: “vt homines regni Swecie monere ac inducer procurarent vt crudelium paganorum Carelie,

Ingrie, Lappie et Watlandie conatibus, qui in incolas dicti regni christi fidelis diuersimode seuiebant pro viribus obuiarent, ipsorumque seuiciam deprimerent ne in predictorum incolarum perniciem preualeret” (... чтобы люди из области Швеции увещевали и побуждали язычников Карелии, Ингрии, Лаппии и Ватландии в отношении веры Христа, чтобы различным образом они насаждали веру, чтобы насколько позволяют силы они бы противодействовали язычникам, и чтобы не имело силы соглашение в отношении гибели жителей...).

Было ли всё сие правдою – в этом нет законных оснований сомневаться – это была именно булла. И если бы её получить в оригинале, то насколько мне известно, она была бы самым древним письменным доказательством названия Ingría, и её жителей - свирепых идолопоклонников. Вероятно в том же самом столетии шведы во главе с Эриком Святым обратили их в христианство, превратив в первых финнов и самих шведов, колонизировавших Финляндию. И шведские хроники, насколько мне известно, с 1187 года более не упоминают о подобных вторжениях в собственно шведские земли.

Но с другой, более близкой нам стороны, всё тоже название Ingaria встречается по меньшей мере в начале XIII века у Генриха Латышского (Глинянного). Около 1220 года повествует нам летописец о следующем : “*Vngannenses circa mediam hyemen cum exercitu ibant in profunditate niuis magna, et pretereuntes Wironiam, et transeuntes Narwam, terram vicinam spoliauerunt, et captivos et spolia retulerunt. Quibus reuertentibus, Saccalanenses abierunt eadem via, et transeuntes Narwam, processerunt via remotissima in terram, quae Ingaria vocatur, quae est regno Nogardie. Et inuenerunt terram illam repletam hominibus, et nullis rumoribus praemunitam, et percusserunt Ingaros illos plaga magna nimis, interficientes viros et populum multum, et plures promiscui sexus captivantes, et oues et boues et pecora multa mactauerunt, quae secum abducere non potuerunt. Et reuersi sunt cum praeda magna, et replete est Estonia et Liuonia de captiuis Ruthenorum*” (...около середины зимы с войском пришли по снегу большой глубины и миновали Эстонию и перейдя реку Нарову, землю соседскую разграбили и пленников и военную добычу унесли назад. Когда же вернулись, прошли той же самой дорогой и, перейдя Нарову, прошли по самой отдаленной дороге в землю, которая называется Ингария,

и которая является областью Новгородa. И они нашли другую землю, наполненную людьми и не известную по каким-либо слухам, и они напали на жителей Ингарии, убив мужчин и много народа, и захватили много пленников и того и другого пола, и овец, и быков и большое количество домашнего скота уничтожили, каковых они не смогли увести с собой. Они вернулись с большой добычей, а Эстония и Ливония были пополнены большим числом пленников...).

Из этого двойного доказательства названия *Ingaria* как территории и *ingari* как название жителей, подтверждается в дополнение к нашим утверждениям первоначальное *Ingerinmaa* как местности и как этнографическое понятие. И здесь мы узнаём, что *Ingaria* в те времена должна быть описана в тех же примерно границах, как и первоначальная *Ingerinmaa*. И хотя из летописей нельзя точно определить место расположения *Ingaria*, но зато из подробнейших описаний военных походов легко извлечь сведения, что под именем *Ingaria* не может быть ничего другого, как только восточнее и более того северо-восточнее Ладоги простирающиеся земли нынешней Санкт-Петербургской губернии. И это та самая область, которая первоначально относилась к единственному и старейшему городу Ладоге, который *Ingegerd* выговорила себе в собственное владение, и которую финны с полным правом называли её землёй или землёй *Ингегерды* (*Ingerinmaa*). Она была формально русско-новгородской провинцией уже в 1220 году, и по сведениям Генриха (Heinrich), была очень населенной для того времени.

Итак! В продолжение целого столетия всё больше карелов переселялось туда. Они распространялись с большой вероятностью всё далее на Юг вне границ первоначальной *Ingerinmaa*, так что, может быть, уже теперь или же скоро только “*terra Narvae vicina*” (соседняя с Нарвой земля) остается *воту*, из-за чего старое местное понятие об *Ingerinmaa* становится ещё более туманным, и, наконец, должно совсем затеряться. Отсюда понятие о новой возникшей *Ingaria* или *Ingria*, с которыми вместе всё более распространяющиеся *ingrern* в той же степени изменялись и распространялись.

Непосредственным следствием этих отношений, как выше мы уже разъясняли, отныне ещё растущие и злые действия финского населения этой

местности, является то, что названия *ingrer* и *ingrien* в этом XIII столетии стало привычным и встречалось всё чаще. В булле от 9 января 1230 года Архиепископу Упсалы и Епископу Линчёпинга Папа Григор IX пишет весьма категорически: “*ad audienciam nostrum peruenit, quod seucia paganorum Karelie, **Ingrie**, Lippie, Watlandie contra christicolos regni Suecie sic inualuisse dignoscitur quod nisi eorum immanitatibus ab orthodoxe fidei colloribus viriliter obsistatur, de subuercione ipsius fidei in circumadiacentibus terriis dicti Regni potest merito formidari*” (До нашего слуха дошло, что шведские язычники в Карелии, **Ингрии**, Ланнии, Ватландии против христианских жителей Швеции усилились, но, как стало известно, против них жестокостями со стороны правоверных должно мужественно сопротивляться, и в отношении же самой нашей веры в близлежащих землях указанной области можно с полным основанием опасаться...), и далее приказывает этим прелатам под страхом отлучения от церкви использовать для военных нужд язычников (209).

По этой самой причине ещё в одной булле в упомянутом выше году на имя Архиепископа Упсалы и ему подчинённым епископам Григор IX напомнил текст старой буллы Папы Александра III (о чём мы уже говорили) и настойчиво приказывал её исполнять. Примерно в это же время или на несколько лет позже, по данным Круга (Krug) и Сарториуса (Sartorius) относится весьма интересный старинный документ, в котором приводятся строки из письма некоего новгородца немцам и готландцам, и они, как полагает Сарториус, позволяют по новому взглянуть на обсуждаемую тему. В этом документе называется всё тот же предмет в определенном месте: “*si furta commisa fuerint inter berko et engera, intimabitur Oldermanno de engeren, qui veniet infra duos dies*” (Если кражи будут совершены между *berko* и *engeren*, будет сообщено в Oldermanno (или кому) со стороны *engeren*, который пусть придет после двух дней). Здесь Сарториус переводит и связывает слова *engeren* и *engeren* с названием *Ingermannland*, но напрямую это здесь не описано. Тем не менее, первое слово – река *Ижора* или *Ingeri* (*Ingerinjoki*), устье которой находится при впадении в Неву. И что ещё более подтверждает сказанное, так это краткое описание путешествия в Новгород: “*Simile erit, si furtum contigerit inter engeren et aldagen, et ita deinceps usque nogardiam veniatur*” (Будет то же самое, если

случится кража между *engeren* и *aldagen*, и, так одна за другой, так что дойдет до *nogardiam*).

С большим основанием следует предположить, что упомянутые *engeren*, где упомянутый *Oldermannus* был или должен был бывать и упоминает не *Ingermanland*, а некое место впадения реки Ижоры в Неву, кое и по сей день именуется селением Усть-Ижора, и на 12 верст выше по течению реки *Ингеру* (*Ижоры*). Есть ещё и церковный приход под названием Ижора, именуемый *Oldermann* “*de engeren*” и где он должен был пробывать два дня. Это место в целом при перекрестной идентификации двух названий *Engera* и *Engeren* с финским *Ingeri* достойно внимания, но уже и из нашего предположения и утверждения о первоначальной взаимосвязи имен, где река, селение, страна и народ имеют общее друг с другом название.

Есть в той же булле и ещё более ясное и близкое по смыслу место, в котором говорится: “*quando naues mercatorum sunt in no, secundum antiquam iusticiam libere possunt negociari hospites cum Carelis et Engeris*” (...поскольку корабли купцов находятся .....сразу же на старой остановке чужеземцы могут свободно торговать с *Carelis* и *Engeris*). Совершенно ясно, что речь идёт о народе *ingrier*, живущем вдоль Невы на всём её протяжении от истока до устья и с большой вероятностью далее на Юг, и что Нева может быть рассмотрена как естественная граница между *ingern* и истинными карелами. Следует сделать вывод, что здесь *Ingria* означает первоначально измененное *Ingerinmaa*, и *Ingria* или *Ingrien* являются переходными к новому названию *Ingermannland*. И далее, все сии указанные подтверждения и последовательность событий позволяют нам в заключении сделать определённый исторический вывод.

В свою очередь, имеется папская булла 1255 года, в которой Александр IV Архиепископу Риги дает разрешение назначить епископа в *Watland*, *Ingrien* и *Karelien*, поскольку этот самый епископ сообщал, что “*pagani Watlandiae, Ingriae et Carelie idolorum cultu relicto baptismi velint suscipere sacramentum*” (язычники *Ватландии*, *Ингрии* и *Карелии*, крещеные и с сохранившимся почитанием идолов,

хотели поддерживать присягу на верность (поддерживать таинство), и, несмотря на уверенность архиепископа, он просит известить о результате этого разрешения.

Здесь, как и в более ранних буллах *Ingrien* категорически разделяется с *Karelien* и с *Watland*, вот только порядок перечисления трех названий здесь перевернут, и было бы естественнее упоминать их в направлении с юга на север. Взаимосвязь с ранними буллами и объединение с прочими свидетельствами, как и в данной булле, дают ещё одно подтверждение того, что *Ingria* как географо-этнографическое наименование области, особенно при взгляде издалека, являет собой не первоначальное значение, но лишь определяет первоначальное расположение между Ватландией и Карелией, а именно в границах северной части нынешней Санкт-Петербургской губернии, на юг от Невы и вдоль берега Ладожского озера, далее на Восток от места впадения в Неву реки Ижоры в уезды Софии, Шлиссельбурга и отчасти Ладоги. Единственное различие в ранних и нынешних данных заключается в том, что изначально сердцем *Ingerinmaa* были северо-восточные современные уезды Шлиссельбурга и Ладоги вплоть до Волхова. Теперь же центральную часть *Ingria* образуют Шлиссельбург и София. Имеет место некая двойственность в оценках: так единожды упоминалась Ладога, и ещё ранее – часть нынешнего Ораниенбаумского уезда. Таким образом из названия *Ingerinmaa* образовалась *Ingria* с утратой его первоначального значения. И по мере продвижения и распространения *ingern* или *ижор* на юг и юго-запад, а с другой стороны *русских* в направлении Ладожского уезда, имя это естественным образом преобразовывалось и изменялось.

Итак, *ижоры* возникли и распространяются далее на юг и юго-восток в здешней местности, и при этом ещё более переселяется карельских соплеменников. Таким образом *истинные карелы* и среди них жители Выборгской земли в Финляндии должны были становиться всё более известны *русским*. Одновременно росло и влияние на *карелов* посредством межплеменного родства, связанных с русскими *ingrer* или *ижор*, в том числе и благодаря более менее понятной политике, в которой не было недостатка. Таким образом перед *русскими* возникла необходимость отличать *ingern* от прочих *истинных карел*, и они быстро

стали употреблять во всех случаях в ближних и дальних странах по всей Европе новообразованное название *ingern*.

В результате этого в летописях появилось, насколько мне известно, в первый раз в 1240 либо в 1241 году в связи с набегом шведов название *Ишера* применительно к реке, и в том же году жителей данной местности поименовали как *ижеряне*. И уж точно различали не только от народа *чудь*, под которым понимали *эстов*, но и от народов *корелы* и *водь*. И здесь впервые в русских летописях встречаем мы факт точного определения название *корела* применительно к *истинным корелам*, расселившимся в Финляндии на север и северо-запад от Невы, поскольку до этого значительная часть *ingern* и *ижор* воспринималась *карелами* вследствие переселения последних в русские пределы и попавшими в зависимость от Руси.

Таким образом, в будущем мы более не нуждаемся в том, чтобы одним именем называть изначально смешанные ветви племени (финнов). И, собрав воедино многие свидетельства, будем следовать золотому правилу: *qui bene distinguit, bene docet* – *кто хорошо выявляет различия, тот хорошо учит*. Взвесив все взаимоотношения и между этими ветвями племени и с русскими и со шведами представляем всё сие ради торжества истины и науки. И в нашем сочинении всё касалось прежде всего *ingern*.

Мы удовлетворялись этим, поскольку более поздние исторические события привнесли так много, что мы посчитали необходимым провести полноценное обсуждение происхождения их имени и происшедших его изменений. Шведы долго обладали южным побережьем Новой Финляндии, и им был известен народ *ingeriläiset*, который и на шведском и на финском берегах занимался вместе со своими соплеменниками морским пиратством. Земли их были известны шведам очень косвенно, понаслышке, и представляли для них весьма посредственный интерес.

Согласно новгородским летописям в 1256 году шведы предприняли попытку закрепиться на реке Нарва. В конце этого же века они покорили *карел*, а по прошествии нескольких лет выразили свои амбиции тем, что расширили свои границы до Невы и невдалеке от её устья заложили крепость Ландскрона,

но успех их был кратковременный – крепость вскоре была захвачена и разрушена *русскими*. Между тем, в период мира после происшедших взаимных нападений, который пришел в эти места в 1323 году, произошло новое переселение *карел* в страну *Ingern*, а *шведы* остались с ними по соседству, и их разделяли некие обстоятельства. В имевшейся ситуации оставалось в употреблении известное и не измененное шведами название *Inger* или *Ingren*, а по-латински *Ingria* для страны, и для народа - *ingrer*. В последующие не столь отдаленные времена произошло ещё большее ослабление *шведов*, измученных непрерывными и дерзкими нападениями, которые оставили на произвол судьбы свои восточные владения, и на этой достойной сожаления арене происходили разбойные нападения и грабежи *русских ватаг*.

Когда же *шведы* во второй половине XV столетия начали проводить ответные военные походы, была захвачена крепость Ивангород, и когда, наконец, Густав I и русские стали вести дипломатические переговоры, а в сторону Нотеборга (Орешек), с суши и со стороны Невы и озера предпринимались походы, шведы значительно лучше узнали эти края и страну, называвшуюся *Ingerinmaa*. Ранее в нашем сочинении мы разобрали причины и основания для возникновения этого имени, а также его изменений, последовавших с течением времени.

В XVI столетии так называемая шведская Нотебургская волость была упразднена, а, стало быть, *Ingerinmaa* была в границах нынешних уездов София и Ораниенбаум. Шведы хорошо узнали страну, в которой они часто бывали, слышали название её *Ingerinmaa*, и должны были естественным образом придти к мысли о необходимости дать ей второе, шведское название, и как часто бывает в подобных случаях, несколько его изменили, чтобы придать ему определенный смысл. Не понимая, что последний слог “*maa*” в себе уже несёт значение «*страна*», они добавили к имени окончание свойственное шведским провинциям – «*land*», и так вот с лёгкостью из первоначальной *Ingerinmaa* возникла шведская форма *Ingermannland*, как в собственных шведских провинциях, например, *Westmannland*, *Södermannland*, *Ångermannland*. Старое и простое известное название *Ingern*,

как следует заметить, встречалось в некоторых хрониках до тех пор, пока не было вытеснено новым.

Таким образом описанный нами генезис нового шведского наименования *Ingermannland* и причины его возникновения полностью подтверждаются:

1. цитированным нами примечанием, где Гирс (Girs) приводит слово *Ingermannland* в документе Густава I в самом конце его правления при завершении войны с Россией;

2. древний шведский хронограф Лаурентиус Петри, писавший свои шведские хроники в 1559 году, описывая события начала XIII века использует название *Ingermån* вместо ранее употреблявшегося *Ingrer*, что было найдено его братом Олаусом Петри, и на что обратили внимание издатель *Scriptores regum Swecicarum medii aevi*, и Эрикус Олаи. Обращающий на себя внимание вариант *Ingermån* вместо *Ingrer* был предпосылкой к введению наименования *Ingermannland*, употреблявшегося со времени последних лет правления Густава I, и дошедшего из старинных времён до дней нынешних. Эрик XIV – сын и наследник Густава I, вскоре после его смерти в 1561 году, вторгся в Эстонию и захватил власть в свои руки, и у шведов вновь появилась возможность ежедневно слышать на южных берегах Финского залива название *Ingerinmaa*. В 1581 году вся *Ingermannland* была по велению Юхана III (Johann III) завоевана знаменитым Понтусом Делагарди. И с той поры название *Wotzskij Petin* (Вотская Пятин) – старинный шведский королевский титул юго-западных земель нынешней Санкт-Петербургской губернии постепенно ”сморщился” и совсем исчез.

Благодаря этому последнему обстоятельству новое название - ***Ingermannland*** - было принято во всей Европе, и сохраняется в неизменности до наших дней.

О ФИНСКОЙ ИНГЕРМАНЛАНДИИ ИСТОКИ ЗНАНИЙ

Лудольф Цетреус, служивший пастором Веньюкского прихода в Ингерманландии, опубликовал на шведском языке в 1802 году в Або, нынешнем Турку, в газете статью «Нечто о вотландцах». Цетреус, как и его предшественники, обратил внимание на одежду води, в особенности на женскую праздничную, а также на свадебные и похоронные обряды, в которых их старые культурные традиции особенно ярко проявлялись и отделяли водь от ижоры и лютеранских финнов. Статья касалась собственных научных интересов профессора Х.Г.Портана относительно води, и получила его должное внимание.

Статья Цетреуса появилась и на русском языке в Петербурге в 1820 году. Её напечатал Фаддей Булгарин в издававшемся им журнале «Северный Архив» в отделе статистики с предисловием проф. Петера Цеплина, который обратил внимание на то, что Цетреус и рижский пастор Фридрих Трефурт, опубликовавший свои наблюдения о чуди в 1783 году, имели в виду одно и то же племя. Цеплин указал также на то, что, не вникая в этнографические тонкости и не владея финским языком, Трефурт называл их чухнами или чудями, не обращая внимания на то, что финские жители побережья Финского залива называли себя водью. Цеплин указывал на значимость Водской пятины в Новгородском княжестве, хотя и преданной забвению. Народы, населявшие территорию между Нарвой и Невой, стали именоваться ижорой. Впрочем, и они проживали на территории Водской пятины, и стали именоваться по имени реки Ижоры, протекавшей в северо-восточной стороне от Гатчины и впадавшей в Неву.

Прошло более десяти лет, и скромная по размерам статья Цетреуса получила научную основу. Её создало написанное по-немецки основательное научное исследование Андерса Йохана Шёргена под названием "Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und Ursprung des Namens Ingermanland", т.е. «О финском населении Санкт-Петербургской губернии и возникновении названия Ингерманландия», 1833 г. Истекшие с тех пор почти два столетия дают нам основание говорить об исследовании, значимость которого значительно шире, чем его название.

Андреас Йохан Шёгрэн родился в 1794 году в деревне Ситиккяля прихода Итис (ныне Иитти) тогдашней Нюландской губернии Великого княжества Финляндского. Уже в раннем детстве он бегло читал и знал наизусть тексты Катехизиса. Местный пастор обратил внимание на одарённого мальчика и посоветовал родителям отправить его в школу. Таких средств у родителей не было. К тому же в школу принимались лишь дети, умевшие читать по-шведски. Пастор взялся обучить его и взял расходы на обучение Андреаса в Ловизской гимназии. Главными предметами обучения были классические и новые языки. В 1813 году Шёгрэн поступил в Абосский университет.

Идеи Абосского профессора Хенрика Габриэля Портана о том, что прародина финской народной поэзии находится в России, и проживающие там финские народности следует посетить в местах их проживания, захватили Андерса Шёгрена ещё в годы его учебы в Боргоском лицее. Они усилились во время его поездки в Ингерманландию летом 1816 года. Он посетил Губаницкий приход вместе со своим лицейским товарищем Арвидом Стролманом, отец которого служил там пастором. Шёгрэн рассказывает в своей автобиографии о том, что тогда он своими глазами увидел Ингерманландию, лютеранских пасторов и людей, язык и обычаи которых пробудили в нем живой интерес. Он сравнивал их со знакомыми ему жителями Финляндии, и начал собирать сведения об Ингерманландии для словаря диалектов. Поездку в С.-Петербург и Ингерманландию Шёгрэн оценивал как физически и психологически весьма приятную. Эти чувства он выразил в стихотворении, написанном по-немецки, в котором блеск увиденного им Петербурга блекнет перед печалью, вызванной рабством в России. С другой стороны тепло и сердечность пасторского дома и семьи смешиваются с грустью расставания.

Шёгрена пригласили вновь навестить Строльманов, что он и сделал в следующем году. Из Губаниц он съездил в Токсово поприветствовать своего лицейского и университетского товарища Финнера, бывшего помощником у пастора Скотте. В последующие годы С.-Петербург и Ингерманландия будут всё теснее связаны с жизнью молодого Шёгрена. Один год он служил домашним учителем детей епископа Сакари Сюгнеуса. Следующие два года он провёл

в Токсово обучая детей пастора Скотте, и затем год в Петербурге у графа Н.П.Румянцева в качестве библиотекаря.

В эти годы Шёгрэн занимается изучением Российской истории, преимущественно её связей со Скандинавией, и в особенности историей финских народностей. Из его автобиографии, между прочим, написанной от третьего лица, выясняется значимость для Шёгрена обширных исследований Портана о средневековой Финляндии, курса лекций «Основные черты русской истории», исследование «О финской поэзии», изучение расселения финно-угорских народов. Следует напомнить и о том, что Портан предложил свою классификацию диалектов финского языка и занимался историей саамов и локализацией области Биармия, упоминаемой в древнерусских и скандинавских источниках IX-XIII века. Шёгрэн прочитал все труды Карамзина и многих других его современников, а также указанные в них источники. Он познакомился с Повестью временных лет и другими древнеславянскими летописями, а также напечатанными о них критическими замечаниями. По его же рассказу Шёгрэн, для разнообразия, стал заниматься языками, живших в России финских племен, используя все возможные источники, собранные графом Н.П. Румянцевым в свою огромную библиотеку. На основе этих филологических исследований Шёгрэн написал рецензию на Евангелие от Матфея, переведённое на тверской карельский диалект, и изданное в 1820 году Санкт-Петербурге Российским библейским обществом. В эти годы он стал известен в России как Андрей Михайлович.

Стремления Шёгрена отправиться в научную поездку получили неожиданный оборот, когда статс-секретарь по делам Великого княжества Финляндского в Петербурге Роберт Ребиндер представил план научной экспедиции императору Александру I. Он высочайше пожаловал Шёгрэну денежное пособие на два года. Экспедиция же затянулась почти на пять лет, и дополнительное пособие Шёгрэн получал уже находясь в пути. Маршрут исследования проходил из Петербурга через Север России: Соловецкий монастырь, по реке Утс в Финляндии, затем через беломорскую Кемь и Архангельск в Петрозаводск, оттуда в Вологду, Усть-Сысольск, Вятку и Казань и обратно в Петербург. Грант был рассчитан на четыре года. Научная страсть Шёгрена была столь велика, что он провёл в поездке почти

пять лет. О сложностях путешествия, в особенности, когда средства были на исходе, он пишет в своей автобиографии без прикрас с присущей ему скромностью.

Шёгрэн не был удовлетворен результатами экспедиции, поскольку не успел осуществить свои идеи в задуманном объёме. Западная Сибирь, Волжский регион и юго-восток России до Северного Кавказа оказались за пределами первоначальной программы. Причиной этого, несмотря на его усилия и неустанное усердие оказалось то, что он хотел и пытался один заниматься и исследовать всё: и прошлое и современное ему, статистику, историю, географию, топографию, этнографию, языкознание, климатологию, и даже отчасти естественную историю. Шёгрэн писал, что большую часть времени у него отнимало чтение старых документов, летописей и других исторических рукописей, выписки из них и их копирование в монастырях, церквях, городских архивах и частных коллекциях. По своим расчетам за эти пять лет он проехал в седле, на лошадях и оленях, а также прошел пешком и проплыл по рекам и озерам в общей сложности более 10 000 русских верст. Неизданный дневник, подорожная с научными наблюдениями, письма знакомым, почти 400 страниц путевых заметок о Лапландии и Северной Финляндии, более 300 страниц историко-статистически-языковедческого исследования о зырянах, последовавшие за экспедицией шесть обширных трудов об истории финских народов северной России, изданные Петербургской академией, а также автобиография дают картину развития научных взглядов Шёгрена во время экспедиции и после неё.

Из этих исследований, касающихся предыстории Ингрии, важными являются книги, изданные на немецком языке: «Когда Заволочье и заволочская чужь обрусела» и продолжением её «О финском населении С-Петербургской губернии и происхождении названия Ингерманландия». Обе были изданы Петербургской Академией Наук в серии *Mémoires* в двух первых томах 1833 г. В этом же году Шёгрэн был избран неординарным академиком. Несколько лет спустя и русский читатель познакомился с результатами исследования об Ингерманландии. Писатель и исследователь Дмитрий Языков издал статью, написанную самим Шегреном, под названием «Финские жители Петербургской губернии». Статья появилась в 1840 г. в московском журнале «Русский исторический сборник». Его гл. редактором был проф. Михаил Погодин.

Какаясь Ингерманландии, Шёгрэн определил языковые, этнографические и исторические объединяющие и разъединяющие признаки четырёх проживавших там финских народностей: савакотов, эвримейцев, води и ижоры, и создал чёткую картину о жителях территории. Значение упомянутых двух исследований было в значительной степени бóльшим. На основании имевшихся у него материалов Шегрен определил родственность финно-угорских народов и выдвинул идею о теории языкового древа. Воссоздавая доисторическую Финляндию, он нарисовал впечатляющую картину того, как наши предки, двигаясь из-за Урала расселялись по пути, в то время как шедшие впереди устремлялись через север России в сторону Балтики. По представлению Шёгрена, в средние века славянское влияние в направлении Белого моря вынуждало прафиннов разделяться на группы и сторониться более сильного соседа, уходя на места нынешнего обитания. В этой воссозданной Шегреном мозаике каждое племя получило свою окраску, свои признаки и приметы, свою историческую глубину.

В отношении исследований Шёгрена часто применительно определение впервые. Приведем некоторые примеры. Он впервые подробно описал вепсов, два диалекта карельского языка Олонецкой губернии, саамов русской Лапландии, народ коми, удмуртов и марийцев, водь и ижору, еврейцев и савакотов, «найда» их под боком у Санкт-Петербурга. Совершив поездку на Кавказ (1835-1838), для того, чтобы поправить пошатнувшееся во время первой экспедиции (1824-1829) здоровье, и в частности зрение, Шёгрэн издал на основе кириллицы учебник осетинского языка, не получивший замечаний у носителей языка, и с некоторыми изменениями используемый до сих пор. В конце жизни Шёгрэн собирал в Курляндии материалы по диалектам куров и ливов, изданные после его смерти в 1855 году.

Определяя значение исследований Шёгрена известный английский ученый д-р Майкл Бранч отметил, что благодаря им финское национальное самосознание было определено как в историческом так и родовом смысле. Эти научные работы создали последователям надежную основу для развития языковой и культурной идентичности, главным идеологом которой выступал Ю.В. Снельман.

Глядя из Финляндии, положение Шёгрена в Петербурге не было однозначным. Бранч показал, что создатель «Калевалы» Элиас Лённрот высоко

ценил научные заслуги Шёгрена, и его влияние на разъяснения о доисторических карелах в предисловие к «Калевале» четко просматривается. Шёгрэн был в свое время самым известным и самым уважаемым финским ученым. Это видно по его обширной переписке. К сожалению, она до сих пор не издана с соответствующим справочным аппаратом, как и многое другое. Для широкого читателя упомянем хотя бы автобиографию Шёгрена, переведенную со шведского на финский Аулисом Й. Йоки и изданную Финским Литературным Обществом в 1955 году к 100-летию смерти ученого. Было бы славно издать её и на русском языке.

Статус академика и тайного советника давали Шёгрэну возможность оказывать поддержку финским коллегам. Быть может самым показательным примером является помощь, полученная М.А. Кастреном, без которой тот никогда не смог бы совершить своей длительной научной экспедиции в Сибирь в 1845-1849 гг. С другой стороны, живя в Петербурге, Шёгрэн оказался за пределами финской интеллигенции, сгруппировавшейся вокруг Снельмана. В 1855 году Андреас Шёгрэн умер, был похоронен в Санкт-Петербурге и был почти забыт у себя на родине. Снельман, правда, напечатал в память о Шёгрэне большую посмертную статью в газете «Литературблад», но в последующие десятилетия это уже не имело значения.

В своей речи, посвященной памяти Шёгрена, произнесенной 29 апреля 1855 года в Финляндском научном обществе, Элиас Лённрот выразительно поднял его заслуги перед отечеством. Лённрот знал, что говорил, памятуя о том, что видя реку, человек часто забывает её истоки и, вкушая хлеб, не думает о том кто вспахал поле и посеял зерна. Лённрот как никто понимал, за что он и будущие поколения должны быть благодарны тому, кто принёс свою жизнь на алтарь науки и своего отечества.

Перевод с немецкого на русский язык полного и наиболее важного для ингерманландцев труда Андреаса Юхана (Андрея Михайловича) Шёгрена, впервые осуществленный профессором Алексеем Викторовичем Васильевым, является вообще первым переводом этого исследования. Сделан он столь же бескорыстно, как и в свое время самим Шёгреном было проведено его исследование, и убедительно подтверждает вечность истины о том, что чем больше мы отдаем, тем больше получаем. Таким образом, спустя почти 200 лет

после публикации, многонациональный русскоязычный читатель, в особенности проживающий на территории исторической Ингерманландии, нынешней Ленинградской области и С-Петербурга, держит в руках обстоятельное и научно обоснованное исследование предшествующих нам столетий. События давно минувших дней потребуют от нас желания понять происходившее и времени для осмысления ушедшего, чтобы попытаться вникнуть в настоящее и внести свою лепту в стабильное и благополучное будущее. Эти усилия стоят того в наше сложное время, требующее знания, взвешенности людских отношений, взаимного понимания, симпатий и сочувствия. Здесь уместно напомнить цитату из Саллюстия: «Concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur» – при согласии малое возрастает, при раздорах великое распадается.

Д-р, доц. Тойво Флинк

Институт Миграции

Турку

июль 2017 г.